
E20
1137

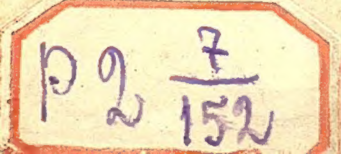
КЛУБНЫЕ ВЕЧЕРА

ПЕРВОЕ ВООРУЖЕННОЕ ВОССТАНИЕ ПРОТИВ ЦАРИЗМА

ПЕСТЕЛЬ РЫЛѢЕВЪ БЕСТУЖЕВЪ-РЮМИНЪ МУРАВЬЕВЪ КАХОВСКІЙ

ДЕКАБРИСТЫ

"ЗНАНИЕ"

КЛУБНЫЕ ВЕЧЕРА

Ефим ГРЕКУЛОВ

ПЕРВОЕ ВООРУЖЕННОЕ ВОССТАНИЕ ПРОТИВ ЦАРИЗМА

(ДЕКАБРИСТЫ)

„ИЗД-ВО ЗНАНИЕ"
МОСКВА — 1925

Отпечатано
в типографии
Произв.-Торг. Отд. МОНО
при 1-м Институте глухонемых.
Донская, 49.
Главлит № 32,559 Тираж 7.000 экз.

Революционеры или предатели-дворяне?

В числе знаменательных дат нашего революционного календаря есть одна, не очень известная широким рабочим массам, дата, которая, однако, заслуживает быть отмеченной в красной памятке: это 14 декабря 1825 г.— первое вооруженное восстание против царизма. В этот памятный день руководители революционного восстания вывели солдатские массы из казарм на Дворцовую площадь в Петербурге и, воспользовавшись подходящим, после смерти Александра I, политическим моментом, пытались с оружием в руках осуществить ранее задуманный план свержения самодержавия.

Восстание не удалось, благодаря нерешительности действий руководителей восстания и слабому участию в нем рабочих масс, лишь со стороны смотревших на восстание. Оно было сломлено, и кровь народа, обагрив Дворцовую площадь, запачкала горностаевую мантию Николая Палкина,— нового императора российского...

Руководители же декабрьского восстания жестоко поплатились за свою попытку вооруженной борьбы с самодержавием: некоторые из них были повешены, остальные же были осуждены на долгие годы мучений в далекой Сибири.

Таков был скорый и неправый суд самодержавия над первыми русскими революционерами, дерзнувшими вступить в вооруженный бой против царизма...

Прошло 100 лет, и сейчас в 100 годовщину декабрьского восстания, общество полит-каторжан увековечивает память

декабристов сооружением им памятника на том месте, где впервые пролилась революционная кровь.

Раньше возможна была идеализация декабристов, приписывание им того значения, которого они фактически не имели. Теперь же, когда изучение истории революции покоится на твердом экономическом основании, может возникнуть вопрос: действительно ли декабристы заслуживают того, чтобы их считать мучениками революции, не следуем ли мы старой, давно сложившейся традиции, когда окружаем их мученическим ореолом? И не являются ли декабристы на самом деле, в свете современного изучения истории революции, лишь кучкой помещиков, генералов и офицеров, которые «вывели 14 декабря подчиненные им войска на Дворцовую площадь, а когда в них стали стрелять, по приказу из дворца, предали солдат», и были виновниками того, что «бессознательная солдатская масса усеяла своими трупами площадь, улицу, замерзшую Неву».

И если это так, если декабристы действительно являются предателями, действовавшими в интересах своего класса, то кому общество полит-каторжан воздвигает памятник: дворянам-предателям или забитым одураченным ими несчастным солдатам?

Такой, казалось бы, мог возникнуть вопрос при изучении восстания декабристов с классовой точки зрения, с какой только и можно сейчас изучать те или иные революционные движения. И так, действительно, решался этот вопрос некоторыми товарищами, которые, желая дать определенную классовую оценку событий 14 декабря, не приняли, однако, во внимание всех особенностей той эпохи и ее социальных условий.

Но такая оценка деятельности декабристов, как кучки представителей высшего дворянства, предавшего, в интересах своего класса, одураченных и обманутых ими солдат, была бы неправильной.

Декабрьское восстание 1825 г. вполне соответствовало своей эпохе и тем социальным условиям, которые подготовили его против русского самодержавия.

Чтобы определить настоящее значение декабрьского восстания 1825 г., этого предтечи всего русского революционного движения против самодержавия, надо тщательно позна-

комиться с социальными условиями той эпохи. Только тогда, с точки зрения этих условий, можно будет как следует и оценить декабрьское восстание.

Выяснение связи событий 14 декабря с социальными условиями тогдашнего времени и историческое значение восстания в эпоху младенческого состояния пролетариата,— вот задачи, возникающие при изучении этой страницы нашего революционного прошлого.

Как же относятся к декабристам ответственные партийные работники?

Еще Плеханов в 1900 г. в своей речи в Женеве по поводу 75-летия со дня декабрьского восстания, говорил:

«Мы, социал-демократы, помним имена этих мучеников, по своему преследуя ту цель, к которой декабристы стремились всем сердцем и всем помышлением... Они сумели возвыситься над сословными предрассудками и сословными интересами».

Еще более исчерпывающую характеристику декабристов дает Зиновьев, который пишет: «...Мы готовы далее обнажить головы перед декабристами, более ранним поколением буржуазных революционеров, которые тоже шли в бой против царизма. Эти люди, представлявшие собою в буквальном смысле слова сливки аристократии, дворянства, офицерства, отделились от своего класса, порвали с семьями, оставили свои привиллегии и вступили в борьбу с самодержавием. Пусть они и не имели социалистической программы, пусть они и были только буржуазными революционерами,— но наше поколение не отказывается от этого наследства. Мы говорим, что это славное прошлое, и мы низко кланяемся первым представителям революционного народничества, умевшего погибать за народ в те дни, когда рабочий класс только еще рождался, когда не было пролетариата и не могло быть классовой и пролетарской партии»[1]).

Точно также Владимир Виленский (Сибиряков), доказывая необходимость увековечить память декабристов постройкой в честь их памятника, говорит: «Коммунистическая партия отнюдь не представляет собою собрание людей, не помнящих своего революционного родства, а русский рабочий

[1]) Зиновьев—История Российск. коммунистич. партии. Изд. „Пролетарий“ 1924 г. Стр. 45.

класс далек от того ненужного чванства, которое помешало бы ему сейчас достойно вспомнить о революционерах, хотя и не принадлежавших к его классу, но выступивших на борьбу с самодержавием в тот момент, когда пролетарии в России еще нарождались. Декабристы—это одно из первых больших групповых выступлений, которое дало не только большой политический процесс, но и политическую каторгу, наложившую свой неизгладимый след на всю последующую историю общественно-революционного движения в России».

Такова оценка декабрьского восстания, которую дают ему видные партийные работники. Рассмотрением этого восстания и выяснением экономических условий его возникновения мы и займемся.

Классовые противоречия в русском обществе начала XIX века.

Разделение русского общества на классы, живущие в разных хозяйственных и экономических условиях, намечается уже довольно резко в начале XIX века, к моменту декабрьского восстания. Различия между классами, правда, не получают такого резкого выражения, которое мы наблюдаем к концу царствования Николая, т.-е. через 30 лет после рассматриваемой нами эпохи, но все же они определенно существуют: интересы этих классов, их участие в хозяйственной жизни страны, конечно, разные, и противоречие их интересов вызывает борьбу, классовую борьбу. Каждый класс отстаивает свои интересы, враждебные интересам другого класса, господствующие классы эксплоатируют крестьян и нарождающийся класс рабочих,—и из столкновения интересов разных классов и рождается борьба, в которой господствующие классы, пользуясь капиталами и поддержкой государства, подавляют рабочих и держат их в угнетении, а средняя и низшая буржуазия является в этом им верной помощницей. Рабочий же класс в одиночестве борется против своих классовых угнетателей.

Что же представляло собой общество в начале XIX в.? — Прежде всего, к этому времени уже зарождается и развивается класс рабочих. Русская промышленность существовала еще в XVII веке, но только во времена Петра

достигает она значительного развития, равно как и вырастает торговый капитал.

До Петра в России крупных промышленных предприятий почти не было, лишь в его эпоху промышленность значительно развивается и появляется множество заводов. Своим развитием промышленность, однако, не обязана Петру, который, будто бы, как раньше рассказывали, «стал открывать разные фабрики, заводы»; развитие ее связано с ростом государства. Некоторые фабрики создавало само правительство, а затем передавало их, через несколько времени, частным лицам; многие же фабрики получали субсидию от государства.

Развитию промышленности препятствовало, с одной стороны, отсутствие специалистов и обученных рабочих, а с другой стороны, конкуренция заграничных товаров, которые и по цене и по качеству были и дешевле и лучше русских.

Для устранения первого препятствия из-за границы выписывали опытных мастеров, конкуренция же иностранных товаров была в дальнейшем уничтожена, как мы увидим, покровительственной таможенной политикой.

Развитие промышленности тесно связано с увеличением торгового капитала, который, увеличиваясь, вызывал дальнейший рост промышленности. Большинство промышленных предприятий принадлежало богатому русскому купечеству, но среди фабрикантов было также много дворян.

Кто же работал на фабриках и заводах этого времени, из каких элементов образовался в России фабрично-заводской класс?

Прежде всего, сюда шли вольнонаемные крестьяне, ранее бежавшие от тягостей крестьянской жизни, затем казенные люди, назначаемые от правительства и знающие какое-нибудь ремесло. Здесь они понемногу подучивались ремеслу и становились специалистами. Но как свободно приходили эти рабочие на фабрику, так же легко они и уходили, чем ставили фабрикантов в тяжелое положение. Кроме того, рабочих вообще не хватало на заводах, и правительство удовлетворяло фабрикантов тем, что ссылало на заводы преступников и бродяг. Однако, рабочих не хватало, и, чтобы помочь фабрикантам, правительство, в лице Петра I, разрешило покупать купцам деревни вместе с крестьянами для

использования их на фабрике, так, чтобы крепостные были неотделимы от фабрики. Таким образом, промышленность стала обслуживаться рабским, крепостным трудом; рабочих, как и крестьян, стали покупать и продавать, как скотину.

Так русская промышленность поддерживалась посредством крепостного труда. В дальнейшем и рабочие, не принадлежащие к крепостному состоянию, также были прикреплены со своими семьями к фабрике и были превращены в крепостных. Благодаря крепостному труду, фабриканты удерживали подученных рабочих от переходов с места на место и получали возможность увеличить количество рабочих; слабая же производительность крепостного труда нисколько не приносила ущерба фабрике, благодаря его принудительности и слабому спросу на продукцию фабрики.

Так продолжалось до 1762 г., когда дворянство, сделавшееся господствующим классом, не добилось запрещения купцам покупать крестьян. С этого момента, с незначительным перерывом, исключительно дворяне получают «почетное» право быть владельцами крестьян. Все остальные сословия не могут уже покупать и продавать крестьян. Дворяне начинают также пользоваться крестьянами, как рабочими, и число фабрик, принадлежащих дворянам, все более и более увеличивается.

Этому способствовало также увеличение населения, благодаря которому части населения не хватало земли. Излишек крестьян, не имевших земли, шел в город, на заработки; хозяин-помещик его отпускал на откуп; когда же помещик стал фабрикантом, то этот излишек народа он стал использовывать в виде рабочей силы на заводах. Этому способствовал спрос на русские изделия—холст, парусину и другие льняные изделия, уральское железо—за границей, благодаря чему русская промышленность получила дальнейший толчок для своего развития...

Так постепенно зародился в России рабочий класс, положение которого на фабрике было бесправное и чрезвычайно тяжелое. Работать приходилось до 16 и более часов, условия работы были очень тяжелые, произвол господствовал полный. На почве тяжелого положения среди рабочих уже в это время возникали волнения, организовывались стачки, одним словом, борьба рабочего класса с капитали-

стами в это время уже существует, при чем борьба ведется за уменьшение рабочего дня, за увеличение заработной платы, за отмену законов, делающих рабочих крепостными фабриканта, за уничтожение гнета и насилий, чинимых над беззащитным рабочим классом.

Но, начиная уже со второй половины XVIII в., использование крепостного труда на заводах перестает быть выгодным для фабриканта. Развитие промышленности происходит довольно быстро: растет количество фабрик, растет также и спрос за границей на русские производства, увеличивается также производство новых изделий. Все это требует более продуктивного труда на фабриках, а труд крепостных был очень мало производителен. Постепенно начинает входить в употребление вольнонаемный труд, более удовлетворяющий фабрикантов.

В начале XIX в. вольнонаемных рабочих было уже около половины всего числа рабочих, при чем этот кадр составился постепенно из крепостных, отпускаемых помещиками на оброк, в виду нехватки земли.

Введение в производство машин также делало излишним труд многих из крепостных, и ставило вопрос об освобождении рабочих от крепостной зависимости, в виду явной невыгодности крепостного труда при новых условиях производства.

Итак, в интересах промышленности и фабрикантов необходимо было освобождение рабочих от крепостной зависимости, в целях повышения интенсивности рабочего труда и лучшего его использования.

Однако, это освобождение крепостных крестьян, особенно при низких ценах на хлеб и низком уровне помещичьего хозяйства, было явно невыгодно для дворян-помещиков, и из этих экономических противоречий и возникает в дальнейшем политическая борьба.

Особенно обострились эти экономические противоречия в первые годы XIX века, в эпоху континентальной блокады и отечественной войны. В силу условий с Наполеоном (1807) Россия должна была присоединиться к континентальной блокаде, т.-е. порвать торговые соглашения с Англией, и таким образом запереть для Англии весь конти-

нент Европы (отсюда и название блокады). Это очень тяжело отразилось на крупном русском землевладении (ведь, мы знаем, что Россия очень много вывозила в Англию сырья), и цены на сырье резко упали. Это било по карману русских дворян-помещиков и часть фабрикантов, вывозящих свои товары в Англию.

Они выражают определенное недовольство политикой Александра I, вступают даже в борьбу с ним путем организации разных политических обществ и пытаются изменить существующий строй. И главной причиной их недовольства является материальный ущерб, который наносила им политика Александра.

Но если этой части русского дворянства политика Александра наносила большой материальный ущерб, то зато для фабрикантов континентальная блокада оказалась чрезвычайно выгодна. Устранение английской конкуренции дало толчек для развития русской промышленности, особенно текстильной. Быстро растет число фабричных предприятий, ручное производство сменяется машинным, увеличивается число наемных рабочих. Как быстро развивалась промышленность в России, показывают такие цифры: в 1804 г. в России было 199 текстильных фабрик, на которых работало 6½ тысяч рабочих, а производили они на 5 милл. рублей; через 10 же лет, в 1814 г., таких фабрик уже было 423, где работало 39,000 рабочих с производством в 30 милл. рублей.

В результате роста промышленности постепенно складывается новый класс—промышленная буржуазия, приобретающая большое влияние на политические дела.

Интересы этих двух классов—дворянства и буржуазии были противоположные: дворянам блокада была убыточна и приносила большой материальный ущерб, буржуазия, напротив же, стояла за нее, так как она была обязана ей своим развитием и благодаря ей она очень много заработала. Между этими классами шла ожесточенная борьба за преобладание, в результате которой дворянство победило, и континентальная блокада была снята. Александр вынужден был порвать с Францией, после чего началась отечественная война.

Противоречия эти осложнялись еще тем, что промышленность была связана в своем развитии, как мы уже

указывали, отсутствием свободных рабочих и ограниченностью русского производства, вследствие того, что из числа потребителей товаров выбывали все крепостные. Это заставило фабрикантов поднимать вопрос об освобождении крестьян от крепостной зависимости, в то время как хозяйство дворянства только и держалось на рабском труде.

Правда, постепенно и дворянство приходило к мысли о невыгодности эксплоатации крепостного труда и необходимости замены его свободным трудом. Но к такому заключению дворянство пришло значительно позднее, когда, вследствие вздорожания хлеба, помещик был заинтересован в повышении своего хозяйства, увеличении его производительности, что невозможно было при крепостном труде.

В 1812 году был восстановлен союз с Англией, и правительство под давлением дворянства разрешило было ввозить почти свободно английские изделия. Но тут уже стала недовольна промышленная буржуазия, которая благодаря ввозу английских товаров стала испытывать большие затруднения, и правительству пришлось уступить. На заграничные товары были введены высокие таможенные пошлины, которые делали их недоступными русскому потребителю. Это удалось провести тем легче, что во многих фабриках были заинтересованы крупные дворяне, стоявшие у власти, с которыми правительству приходилось считаться.

Так возникли и развились противоречия между двумя господствующими классами России 1-й четверти XIX века — дворянской и промышленной буржуазией. Вместе с тем невыносимо тяжелым было положение крестьян и рабочих.

Во время войны 1812 года эти противоречия еще больше усилились. Крупная помещичья знать сравнительно меньше пострадала от войны, в то время как значительные массы среднего и бедного дворянства были ею очень разорены.

Ухудшилось также, в результате войны, и положение крестьянства. Вначале делались определенные намеки на освобождение крестьян, после же войны крестьяне никакой свободы не получили, хозяйство многих было в конец разорено, а положение части их, государственных крестьян, еще ухудшилось введением военных поселений.

Сущность военных поселений заключалась в том, что вместо рекрутов введены были колонии солдат-земледель-

цев, которые, оставаясь крестьянами и содержа себя за свой счет, своим трудом, вместе с тем, еще отбывали воинскую повинность.

Последняя была как бы барщиной, вроде той, которую несли остальные помещичьи крестьяне. Благодаря этой мере, крупное и среднее дворянство получало даровую рабочую силу, которая не отрывалась от своей работы рекрутчиной, правительство же создавало военную силу, которая должна была защищать интересы крупного землевладения.

Военные поселения были настоящим бичем народным; как говорит декабрист Пестель, «одна мысль о военных поселениях, прежним правительством заводимых, наполняет каждую благомыслящую душу терзанием и ужасом». Жизнь в военных поселениях была распределена по правилам до мельчайших подробностей и проходила в чрезвычайно тяжелой работе. Среди военно-поселенцев была очень сильно развита смертность, психические заболевания и пр., а между тем, внешние условия жизни были как-будто бы сносны. Военные поселения строились по известному плану. Избы были все одного типа, вокруг поселения разбивались сады, были в них также школы, приюты.

Но режим в поселениях был так тяжел, что нередки были в них бунты, которые заканчивались для бунтовщиков чрезвычайно печально. Например, в результате одного бунта 245 человек были приговорены к смертной казни, которая затем была «смягчена»—вместо казни виновных прогнали 12 раз сквозь строй в 1000 человек.

Но военные поселения были ненавистны не только самим поселенцам. К ним питали отвращение также и мелкие дворяне, среднее офицерство; они смотрели на военные поселения, как на опасную для них затею, которая могла быть обращена против них, если бы они попробовали восстать против правительства и тех, кого правительство защищало—крупное дворянство.

Таково было положение русского общества в первой четверти XIX века. Как мы выяснили, на основе хозяйственных экономических отношений противоречия в интересах разных классов общества уже достаточно ясно определились, и между отдельными классами возникает определенная борьба. Эта борьба классов обязана своим происхо-

ждением исключительно противоречию их экономических интересов, и об'ясняется ростом промышленности и промышленной буржуазии в этот период.

Экономические противоречия вызывают затем политическую борьбу, и организацию тайных обществ; декабрьское восстание надо рассматривать, как результат этих классовых противоречий, как средство политической борьбы в начале XIX века.

Было время, когда происхождение тайных обществ начала XIX века об'ясняли тем, что после отечественной войны русские офицеры, вернувшись из-за границы, увидели, что все в России худо, хуже чем за границей и, начитавшись хороших книжек, решили взяться за исправление русского общества. Также и восстание декабристов об'яснялось таким образом, что несколько восторженно-настроенных людей взялись за исправление русского государственного строя, в результате чего и произошло неудачное декабрьское восстание.

Однако, такое об'яснение исторических явлений не может уже удовлетворять. Зная связь между экономическими, хозяйственными явлениями и историческими событиями, подходя к историческим фактам с марксистской точки зрения, мы получаем возможность найти связь историко-политических событий с хозяйственными условиями соответствующей эпохи и только в этом случае исторические события получают свое настоящее освещение.

Также и декабрьское восстание надо рассматривать под тем же углом. Мы выяснили, что в русском обществе начала XIX века довольно резко были выражены классовые противоречия. И наша дальнейшая задача показать, как эти классовые противоречия отразились на декабрьском восстании; что представляли собой взгляды и «идеалы» декабристов, и чьи интересы с оружием в руках защищали декабристы 14 декабря на Дворцовой площади. И только в этом случае нам будет ясно значение декабрьского восстания.

Предварительно рассмотрим происхождение и развитие тайных обществ в России, этих первых очагов политической борьбы.

Тайные политические общества в России в начале XIX века и их деятельность.

Тайные политические общества в России имели своей задачей борьбу за политическую свободу, за уничтожение крепостного права, борьбу за самодержавие вплоть до полного его уничтожения. Возникнув в результате классовой борьбы, тайные общества, под влиянием об'ективных условий, не всюду принимали одинаковые формы, и не везде задачи их были одни и те же. В эпоху возникновения тайных обществ в России еще не было организованного пролетариата, не было также еще крупных промышленных центров, и широкого массового восстания в это время еще не могло быть. Поэтому деятельность тайных обществ принимала характер з а г о в о р а, и притом в о е н н о г о з а г о в о р а, где заговорщики опирались на симпатии военных масс, завербованных ими сторонников из армии. Конечно, такой способ борьбы с самодержавием XIX века был крайне несовершенен и зависел от многих случайностей, но он определялся всецело социально-экономическими условиями того времени.

Особенно благоприятные условия для развития политических тайных организаций были во второй половине царствования Александра I. Это была эпоха мрачной реакции, когда все надежды, которые возлагались на Александра, не оправдались, а взамен ожидаемых реформ наступили тяжелые дни аракчеевщины.

Тяжелый политический гнет этой эпохи, вместе с экономическими несоответствиями ее, о которых мы говорили выше, и создал ту обстановку, в которой революционные идеи могли получить быстрое развитие.

И, конечно, именно этим причинам и обязаны своим происхождением тайные общества; ознакомление же с заграничными взглядами, иностранное влияние—могло только завершить, докончить то, что создано было в силу этих причин.

Первые попытки создания политических организаций намечаются еще в 1811 г., но организованное политическое общество создается лишь в 1816 году, при чем главным руководителем его был Александр Муравьев.

Ближайшими помощниками его были: его брат Никита, князь Л. Трубецкой, Якушкин и братья Муравьевы-Апостолы. Вначале общество не имело определенной программы, его целью было только замена самодержавия в России конституционным правительством. Лишь после привлечения в общество Пестеля, наиболее выдающегося организатора тайных обществ этого времени, оно получает свою организационную программу. Благодаря ему был выработан устав, который точно определял цели и формы деятельности общества, а также правила внутренней организации.

Общество стало называться союзом Спасения. Не все члены общества принимали одинаковое участие в делах его. Учредители его, пользовавшиеся наибольшим влиянием, назывались боярами, за ними шли мужи, которые знали цели организации общества и которые при вступлении в члены, давали клятву стремиться к цели общества, покоряться решениям верховного совета бояр, хранить в тайне все, что им сообщалось. Наконец, в обществе были братья, которые также присягали ему на верность, но которых не посвящали в цели организации общества. Кроме действительных членов, общество имело еще друзей: так назывались все те, кто мог быть полезен чем-нибудь обществу.

Всеми делами союза управлял верховный совет бояр, состоящий из всех членов—бояр. Организация союза была довольно сложная: в члены союза принимались с соблюдением многих формальностей, вновь вступающих заставляли приносить клятву, вообще же устав союза был довольно строг.

Цель союза Спасения была—преобразование России в конституционное государство, а средством приближения к цели устав считал «действие на умы и приобретение членов». Однако, на самом деле, средства союза были значительно более революционны, чем предусматривал устав, и уже в 1817 году, как признается сам Пестель, некоторые члены союза, как Лунин, Якушкин и сам Пестель считали

необходимым террор и цареубийство. Был даже выработан план убийства Александра, при чем привести в исполнение этот план взялся Якушкин.

Союз Спасения недолго просуществовал в таком виде. Среди его членов появились разногласия: одни были сторонниками решительных действий, вплоть до цареубийства и организации республики, другие, напротив, стояли за конституционную монархию и требовали отмены устава, проповедующего насилие, основанное на клятвах, и считали необходимым, чтобы общество ограничилось «медленным действием на массы».

Благодаря этим разногласиям союз не мог дальше существовать в таком виде, и явилась потребность в реорганизации его. Это было сделано в Москве, в 1817 году; члены союза получили возможность собраться здесь во время торжественной закладки храма Христа спасителя, когда в Москву с'ехался весь двор.

Здесь, при обсуждении в дальнейшем программы политического общества, выяснилось разногласие между двумя группами его членов, при чем разногласия эти были довольно остры. Одна часть членов союза была против революционно-политических задач тайного общества и считала, что общество должно ограничиваться исключительно просветительной и мирно-социальной работой. Восторжествовала более умеренная часть, и в основу организации общества, вместо союза Спасения, был положен устав немецкого общества Тугендбунда (союз Добродетели). Новое общество стало называться союзом Благоденствия, или Зеленой книги, по цвету переплета устава, и до того было умеренно, что было даже предложение дать его устав на утверждение Александру I, однако, это предложение не было принято.

Вообще же преобразование союза Спасения в союз Благоденствия чрезвычайно показательно. Эта реорганизация показывает, что хотя недовольных политикой Александра было и много, однако, смельчаков, готовых на активное выступление против самодержавия, было еще очень мало; время революционного действия, очевидно, еще не наступило.

Каковы же были цели и задачи нового общества?

Считая необходимым изменение русского государственного строя из монархического в конституционный, общество не давало указаний, как именно должна вестись политическая борьба. Деятельность его, как видно из той части устава, которая была принята обществом, носила неопределенный общий характер. Даже те практические указания, которые существовали в уставе немецкого Тугендбунда, в переработанном уставе союза Благоденствия были исключены. Так, из устава был исключен параграф, по которому все, вступающие в организацию, обязывались освободить своих крепостных и наделить их землею. Этот параграф был слишком «революционен» для русских дворян-помещиков; взамен него было введено требование гуманного обращения с крестьянами и забот об их просвещении.

По уставу союза Благоденствия для членов его предусматривалась деятельность в четырех направлениях: 1) в области человеколюбия, 2) правосудия, 3) образования, 4) общественного хозяйства.

Под человеколюбием понималась деятельность по надзору над больницами, сиротскими домами, тюрьмами и вообще занятие благотворительностью; образование было борьбой за нравственность—распространение определенных правил поведения, борьба с предрассудками, распространение знаний, искоренение произвола и лихоимства, открытие учебных заведений и пр. В области правосудия члены союза должны были сами принимать участие в отправлении должностей по выборам, следить за выполнением чиновниками их обязанностей, бороться с подкупами и насилием, следить, чтобы соблюдались законы. В частности, на членов союза возлагалась обязанность бороться против продажи крестьян в одиночку.

В области общественного хозяйства на членов общества возлагалась обязанность наблюдать за общей хозяйственной жизнью страны, за земледелием, промышленностью, торговлею...

Каждый член союза, записавшись в какую-нибудь категорию, должен был активно проводить в жизнь постановления союза, как своим личным примером, так и участием в соответствующей области деятельности страны.

Организация союза была чрезвычайно сложна. Во главе его стоял коренной союз, составляемый из учредителей союза; союз же избирал из своей среды коренной совет из 6 членов. Из коренного союза и совета образовывалась коренная Управа, высший орган союза, которому принадлежало право принятия новых членов, суд над ними и вообще законодательная власть.

Каждый член коренной управы, привлекая в союз новых членов, образовывал из них местные управы, которые были разных видов.

Имея такую сложную организацию и столь широкие цели своего существования, союз Благоденствия проявил себя, однако, очень незначительно. В значительной своей части программа устава осталась только на бумаге. Некоторую деятельность союз проявил только в крестьянском вопросе, в попытке смягчить тяжелое бесправное существование крепостных крестьян.

Так, один член союза, Лунин (тот самый, который хотел убить Александра), решил освободить своих крестьян, однако, без земли. Другой член союза Благоденствия—Якушкин хотел освободить крестьян, предоставив им усадьбу с усадебной землей и общим выгоном, но от такого освобождения отказались сами крестьяне. Члены союза вели также просветительную работу среди крестьян и солдат, занимались благотворительностью, критиковали правительство, но широкого значения их деятельность не имела.

Такое мирное, так сказать, направление в деятельности союза Благоденствия изменилось в 1820 г., когда в Петербург приехал Пестель и стал вести его работу в другом направлении. Прежде всего, он поставил на собрании Коренной Управы вопрос, какая должна быть в России форма правления, республиканская или монархическая. После долгих споров Управа приняла постановление, что должна быть республиканская власть. Затем Пестель поставил вопрос о тех мерах, посредством которых возможно изменение государственного строя в России и переход к республиканизму. Сам он был сторонником цареубийства и образования временного правительства, но большинство союза его не поддержало и не согласилось на столь решительные действия.

Однако, революционное настроение в Коренной Управе союза Благоденствия продержалось недолго. Лишь только кончилось совещание в Петербурге и Пестель уехал к себе на юг, в Тульчин, члены петербургской организации стали бить отбой. Большинство членов общества держалось умеренных взглядов и, воспользовавшись отсутствием Пестеля, сильная личность которого оказывала давление на других членов, они взялись за пересмотр программы союза. Этому помогло еще то обстоятельство, что стали ходить слухи, что правительству известно существование общества и его цели, и что возможны всяческие репрессии в отношении общества.

Под влиянием всех этих обстоятельств был созван в 1821 г. в Москве с'езд представителей управ союза, на котором были обнаружены значительные противоречия между членами союза, столь серьезные, что эти противоречия грозили даже дальнейшему существованию тайного общества. Чтобы спасти союз от гибели и удалить наиболее шатающихся, с'езд постановил считать общество распущенным, а членов его свободными от всяких обязательств по отношению к обществу.

Однако, закрытие общества считалось только формальным. Сейчас же после закрытия было приступлено к выработке нового устава с делением членов общества на две категории, при чем принятие новых членов устав обуславливал сложными формальностями. Чтобы обезопасить общество от неустойчивых членов, устав разделялся на 2 части: первая часть была для вступающих, и здесь излагались цели общества в самом невинном духе; вторая же часть ставила своей задачей ограничение самодержавия, для чего главным средством считали работу в армии, агитацию среди солдатских масс и офицерства.

Общество, организованное по новому плану, должно было представлять собой настоящее подполье, и было не по духу революционно-настроенным людям того времени. Общество, на самом деле, ничем не проявило себя, и дальше создания устава не пошло, а новые организации не создавались. Старые же общества, как мы помним, были об'явлены распущенными, и таким образом союз Благоденствия перестал совсем существовать.

Очень оживленную деятельность, по возвращении на юг, в Тульчин, проявил Пестель. Здесь, на юге, также существовала управа союза Благоденствия, и здесь были противники Пестеля. После постановления с'езда о закрытии общества члены общества в Тульчине, не разделявшие республиканских взглядов Пестеля, хотели и здесь закрыть революционную ячейку. Однако, благодаря энергии Пестеля и его таланту революционера - организатора, тульчинская организация, после некоторой ее реорганизации и уходу несогласных со взглядами Пестеля, не только не зачахла, но, напротив, послужила основанием организации нового общества, названного Южным, имевшего большое значение в дальнейшем ходе революционных событий.

Вначале небольшое по количеству членов, Южное общество быстро разраслось. Оно организовывалось по плану союза Спасения и делилось на управы, об'единявшие членов определенной местности. В противоположность уставу союза Благоденствия, характер Южного общества был определенно политический, с резко выраженной революционной программой. Тот старый вопрос, который Пестель ставил на с'ездах прежних обществ — цареубийство, как необходимое средство для перехода к республиканскому правлению, здесь был принят, как деловая программа общества. На первом с'езде Южного общества в Киеве в 1822 г., во время контрактовых ярмарок, была в общих чертах намечена деятельность общества, при чем Пестель взял на себя задачу подробно разработать проект о будущем государственном устройстве в России. На следующий год, на с'езде опять же в Киеве, этот проект был Пестелем представлен в виде «Русской правды», заключавшей в себе полную систему государственной реорганизации и социальных реформ в России, которую, по мысли Пестеля, необходимо было ввести после свержения самодержавия. Вопрос же о необходимости свержения самодержавия и установления, после цареубийства, в России республики, был принят большинством членов Южного общества. Тут же, на с'езде, решались также вопросы о тактике общества, о тех практических мерах, которые необходимо предпринять с целью добиться установления в России республики.

При том среди членов общества намечались две разные точки зрения: были сторонники немедленной революционной борьбы, открытого восстания с целью свержения государственного переворота; так, Муравьев-Апостол предлагал убить Александра I, во время посещения им Белой Церкви. Другие же, в том числе и Пестель, стояли за предварительную подготовку революции, и считали необходимым для переворота выжидать благоприятного момента. Это было различие в тактике.

Деятельность Южного общества была чрезвычайно энергичной: южное общество вербовало своих членов среди разных слоев населения, и усердно пропагандировало среди крестьян революционные идеи. Слияние Южного общества с существовавшим на юге России обществом соединенных славян, имевшим первоначально своей целью освобождение славян от самовластия, и соединение их всех в одном союзе, и образование конституционного государства,— значительно усилило общество, так как влило в него много революционно-настроенных членов, готовых на самые решительные действия, вплоть до цареубийства.

Южное общество имело также связь с польским патриотическим обществом, ставившим своей задачей борьбу за польскую самостоятельность.

Таким образом, Южное общество развило революционную пропаганду и имело очень большое значение в смысле пробуждения революционного сознания в широких массах солдат и подготовки переворота.

Бывшие члены союза Благоденствия, находившиеся в Петербурге, зная о революционной деятельности Южного общества, с'организовали Северное общество, главным руководителем которого стал Никита Муравьев. Программа общества была конституционно-монархическая, и деятельность его в первое время была очень слабо выражена. Пестель, душа Южного общества, большой организатор, понимал, как важно об'единить деятельность Южного и Северного общества, заставить их работать сообща и по одной программе. С этой целью в Петербург была отправлена делегация от Южного общества, которая и должна была наладить работу Северного общества. Однако, об'единение обществ не произошло, потому что руководитель Северного

общества—Никита Муравьев не разделял республиканских взглядов Пестеля. В противовес пестельской «Русской Правде», Муравьев выработал свой проект конституции, который, однако, Южное общество не удовлетворил. Так деятели двух революционных организаций с самого начала своей деятельности не могли сговориться об единой программе.

В 1823 году Северное общество получило определенную организацию. Члены общества делились на убежденных, которые управляли всеми делами общества, и согласных, имевших лишь право совещательного голоса и не принимавших участия в деятельности руководителей общества.

Задачи и стремления общества так определялись, по показаниям декабристов во время следствия:

1. Добиться конституции, сходной с конституцией Сев.-Амер. Соед. Штатов.
2. Раскрепостить рабов (т.-е. крестьян).
3. Облегчить и улучшить положение крепостных крестьян.
4. Относиться гуманно к подчиненным.
5. По отношению к начальству вести себя почтительно и исполнять по мере сил в точности свои обязанности.
6. По приказанию отправиться со своей командой в указанное место.
7. Отказаться от двадцатой части своего дохода в пользу общества.
8. Не иметь никакой переписки по делам общества и переговариваться только устно.
9. Не привлекать людей неспособных.

Такова была программа и тактика Северного общества в первое время его возникновения. Вначале оно не проявило особенной деятельности, и несмотря на настойчивые предложения Южного общества, оно не выразило никакого желания об'единиться в своей революционной работе. Напротив, руководители Северного общества относились даже отрицательно к Южному обществу, считали Пестеля честолюбцем, действовавшим в своих интересах, и опасались его влияния.

Некоторое оживление в Северном обществе замечается в самом конце 1824 г., когда руководителем его (директором) вместо Н. Муравьева, стал Рылеев.

Однако, и теперь не произошло сближения между Северным и Южным обществом, несмотря на все попытки к этому со стороны Пестеля. Он даже сам отправился в Петербург, чтобы добиться об'единения общества, но ему это не удалось. Цель, которую ставил себе Пестель, заключалась в тесном об'единении обоих обществ на почве признания республиканского образа правления и необходимости принятия решительных мер против царизма.

Вначале, в особенности в отсутствие Н. Муравьева, Пестелю как будто бы удалось склонить на свою сторону многих членов Северного общества, но это об'яснялось исключительно обаянием личности Пестеля, который, как признают все современники его, производил на своих слушателей огромное впечатление. Полного же признания единой политической программы у Северного и Южного обществ не могло быть потому, что эти политические общества об'единяли разные общественные группы, интересы которых не совпадали полностью. Поэтому Пестелю не удалось, несмотря на все свои усилия, добиться полного об'единения этих обществ.

Не добившись об'единения, руководители организаций все же условились поддерживать связь обоим обществам и не допускать отдельных выступлений.

В дальнейшем как Южное, так и Северное общество подверглись некоторым изменениям.

Один из директоров Северного общества, крупный помещик, кн. Трубецкой, был переведен из Петербурга в Киев, и здесь он стал, вместе с Сергеем Муравьевым-Апостолом и Бестужевым-Рюминым, подтачивать влияние Пестеля в южной организации.

Также и в Северном обществе, когда переменилось правление его и во главе стали поэт Рылеев, Бестужев и Оболенский, произошел некоторый сдвиг в сторону большей революционности и отказа от медлительности, которую проповедывал Н. Муравьев. Северное общество обсуждало даже план открытого цареубийства, который предложил приехав-

ший с Кавказа офицер Якубович, однако, план этот был осужден.

Такой же революционный под'ем наблюдался и в Южном обществе, где Сергей Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин вели деятельную пропаганду за решительное вооруженное восстание. Пропаганда эта пользовалась большим успехом, в особенности среди офицерства, и число сторонников немедленного выступления возрастало. Сам Пестель относился отрицательно к этим выступлениям, считал, что время для революционного переворота еще не наступило и одно время даже думал рассказать обо всем Александру I; Сергей Муравьев-Апостол наметил даже время восстания— в 1826 г. во время смотра войска, когда заговорщики должны были убить Александра и выпустить вместе с тем прокламацию к войскам. В то же время Северное общество должно было поднять знамя восстания в Петербурге.

Так события шли быстрым темпом, и несмотря на отсутствие соглашения между обоими организациями, несмотря на нелады между руководителями обществ и на неподготовленность к революции,— восстание должно было начаться.

Но совершенно неожиданно восстание началось раньше, чем наметили его руководители восстания, и тому причиной послужила неожиданная смерть Александра I и последовавшие за тем события.

Декабрьское восстание.

Так развивалось революционное движение в России, сосредоточенное вокруг двух организаций—Северного и Южного общества. К моменту декабрьского восстания оба общества представляли собой довольно сильную революционную организацию, об'единявшую вокруг себя, хотя и не под одними лозунгами, довольно значительное количество членов.

Конечно, деятельность обществ не могла остаться незамеченной правительством. Благодаря ряду доносов, правительство отлично знало о планах и замыслах заговорщиков и успело даже принять предупредительные меры. Первый донос сделал еще в июле 1825 года унтер-офицер Шервуд, который за верную службу был произведен в дворяне

и получил прозвище «верного»; о деятельности Южного общества и его планах послал подробный донос начальник южных военных поселений, граф Витт, при чем он воспользовался услугами шпиона Бошняка, который примазался к обществу. Таким же доносчиком оказался капитан Майборода, пославший в ноябре 1825 г. Александру I подробный донос о планах Южного общества и, наконец, Ростовцев, который накануне декабрьских событий рассказал о планах общества Николаю.

В результате этих доносов правительство приняло свои меры, и после доноса Майбороды был произведен арест Пестеля и других заговорщиков на юге России, как раз накануне декабрьских событий в Петербурге. Разгром южной организации, конечно, ослабил силы революционного общества.

Но в это время произошли важные события, которые дали толчек к выступлению в Петербурге. 19 ноября 1825 г. умер неожиданно в Таганроге Александр I. В Петербурге об этом узнали только 27 ноября. Прямых наследников у Александра не было, у него были только братья—Константин, Николай и Михаил. Старшим братом был Константин, который и был ближайшим наследником престола. Однако, благодаря женитьбе его на обыкновенной дворянке (получившей позже титул графини Лович), Константин был лишен права на престол, при чем его отречение было выражено в форме письма на имя Александра I. и ответном на него рескрипте Александра. Но вместо того, чтобы об'явить отречение Константина открыто, Александр I устроил из этого какую-то тайну, о которой знали очень немногие. Тогда же был составлен манифест о назначении наследником Николая, однако, и он не был опубликован, а был положен на хранение в московском Успенском соборе, копии же с него хранились в государственных высших учреждениях—совсте, сенате, синоде.

Как только пришла в Петербург весть о смерти Александра I, Николай тотчас же присягнул на верность своему брату Константину, жившему в то время в Варшаве, несмотря на то, что он знал о манифесте, по которому он назначался наследником престола. За Николаем сейчас же присягнули бывшие около него сановники и дворцовые. За-

тем был издан приказ о приведении к присяге на верность Константину всех войск, а также всех подданных. Николаю, а также всей царской семье была безусловно известна последняя воля Александра, но Николай был вынужден принести присягу Константину, так как он не пользовался популярностью среди народа: как ему сообщил петербургский генерал-губернатор Милорадович, его не любили ни среди войск, ни среди населения. Кроме того, он вынужден был принести присягу Константину «для спокойствия государства», так как об отречении Константина никому не было известно.

Однако, Николай, присягая Константину, нисколько не отказывался от своих прав на престол и ждал лишь официального отказа Константина. Поэтому он отправил тотчас курьера к брату в Варшаву, чтобы напомнить ему об его «добровольном» отречении. Но Константин не слал подтверждения своему отречению. Вел он себя в достаточной степени странно: заперся у себя во дворце, не приводил к присяге Николаю свои войска и вообще не высказывал особенного желания подчиниться воле своего старшего брата. Наконец, он прислал в письме Николаю свое отречение, но в таких выражениях и в таком тоне, что его нельзя было опубликовать.

Между тем, дни шли и курьеры все скакали из Петербурга в Варшаву и обратно, и междуцарствие не прекращалось.

Вначале, после смерти Александра, заговорщики и не пытались выступить против царизма.

Все подготовки к вооруженному восстанию носили более теоретический характер и разработанного плана активных революционных действий у них не было. Этому способствовала несогласованность в действиях Северного и Южного общества, отсутствие популярных людей, которые могли бы быть вождями восстания, наконец, слабая подготовленность к восстанию и отсутствие даже плана действий. Поэтому и смерть Александра и присяга Константину застала заговорщиков совершенно врасплох, и никто и не подумал о вооруженном восстании; напротив, члены Северного общества вынесли решение не противиться восшествию на престол

Константина и даже постановили временно приостановить всякую деятельность общества.

Но вот приходят события одни неожиданнее других: присяга Константину, завещание Александра I, отречение очевидно, вынужденное, Константина, определенное нежелание его приехать в Петербург удостоверить публично свое отречение, период междуцарствия. К тому же надо сказать, что Николай был очень непопулярен среди всех слоев населения и даже среди войск, поэтому его кандидатура в русские императоры была встречена очень недружелюбно. С другой стороны, и среди дворцовой знати не было единодушия—одни поддерживали Константина, другие, напротив, были за Николая.

Все эти обстоятельства показались активным деятелям Северного общества чрезвычайно благоприятными для осуществления раньше задуманных планов, и они начали готовиться самым деятельным образом к государственному перевороту, вооруженному восстанию.

Действительно, положение Николая было чрезвычайно тяжелым. Неопределенность положения и недовольство против него делали его кандидатуру на престол неустойчивой. Ему известно было также о заговорах Северного и Южного общества, а раскрытый заговор на юге привел его в большое смятение. Также и среди дворцовой знати против него шли интриги. Он принимал все зависящие от него меры, чтобы склонить на свою сторону всех тех, от кого мог зависеть его успех. С другой стороны, он преувеличил силы заговорщиков, планы которых наполняли его душу смятением...

Заговорщики же усиленно готовились к перевороту, который они наметили 14 декабря, день принесения присяги Николаю. Все нити заговора сосредоточивались у Рылеева и Оболенского, у которых происходили беспрерывные собрания и вырабатывалась программа действий. Наконец, на собраниях было решено воспротивиться присяге Николаю и отстаивать права Константина; воспользовавшись отсутствием последнего в Петербурге, захватить в свои руки власть, после чего назначить временное правительство, и созвать учредительное собрание, которое должно было выработать конституцию и принять соответствующие реформы.

Заговорщики не думали отстранить совершенно императора; за исключением немногих крайних, они хотели только ограничить его власть и заставить его пойти на уступки.

В последние три дня перед восстанием шла деятельная подготовка к нему. Был избран диктатором князь Трубецкой, который, однако, совершенно не подходил для этой роли, так как был человек очень мягкий и колеблющийся и еще за день до своего избрания он замышлял о выходе из общества. Был заготовлен манифест к народу, от имени сената, на тот случай, если восстание удастся; была сделана попытка выяснить реальные силы заговорщиков, узнать, на кого они сумеют расчитывать при восстании. Делегаты от разных полков не сумели, однако, дать точного ответа на этот вопрос, и накануне восстания руководители его не знали, пойдут ли за ними солдаты, и если пойдут, то сколько. Таковы были последствия отсутствия активной пропаганды среди солдатских масс. В последнюю же ночь был выработан план действий 14 декабря. Однако, во всех решениях заговорщиков сказывалось отсутствие хорошо продуманной организации восстания. Все меры были случайные и непродуманы до конца. Большое значение имело также то обстоятельство, что многие заговорщики не верили в успех своего дела; они считали своим долгом воспользоваться случаем, но заранее были уверены в неуспехе предприятия. Положение их затруднилось еще тем, что, как мы видели, уверенности в войсках у них не было, в решительную минуту они могли остаться на площади в полном одиночестве. Но положение было безвыходное. О всех планах восстания Николай знал через Ростовцева, который, не будучи членом общества, рассказал Николаю все, что говорили в его присутствии руководители готовящегося переворота, и они могли ожидать с минуты на минуту своего ареста.

Поэтому выступить надо было, и по этому вопросу ни у кого не было возражений, разве только у колеблющихся и боящихся за свою жизнь и карьеру. Но к несчастью для заговорщиков, у них не было не только связного плана действий, у них не были согласованы также самые общие вопросы. Каждый предоставлялся сам себе. Как поступить с Николаем и царской семьей, убить ли его, или нет? Как продолжать восстание, как занять дворец и Петропавлов-

скую крепость? Обо всем этом было говорено, но решений определенных не принималось.

Условлено было только, что все восставшие должны 14 декабря собраться на Дворцовой площади и вынудить правительство на уступки, после чего разослать манифест о конституции, освобождении крестьян и учреждении временного правительства.

Самый манифест провозглашал следующее:

1. Уничтожение бывшего правления.

2. Учреждение временного, впредь до установления постоянного выборными.

3. Свободное тиснение, а потому и уничтожение цензуры.

4. Свобода вероисповедывания.

5. Уничтожение прав собственности на людей.

6. Уравнение в правах всех сословий и уничтожение военных судов и всякого рода судных комиссий, от которых все дела должны быть из'яты и переданы гражданским судам.

7. Об'явление права всякому гражданину заниматься, чем он хочет (свободный выбор занятий, независимо от сословий).

8. Сложение подушных и недоимок.

9. Уничтожение монополий и разрешение свободного винокурения.

10. Упразднение военных поселений и практиковавшихся способов набора новобранцев.

11. Уменьшение срока военной службы для нижних чинов, который должен быть установлен при введении всеобщей воинской повинности.

12. Отставка всех без из'ятия нижних чинов, прослуживших 15 лет.

13. Установление правил избрания членов правлений, которые должны заменить всех нынешних гражданских чиновников.

14. Гласность судов.

15. Введение присяжных в уголовные и гражданские дела и порядок рассмотрения дел.

Временному правительству проект манифеста поручает привести в исполнение:

1. Уравнение прав всех сословий.

2. Образование местных, волостных, уездных, губернских и областных правлений.

3. Образование внутренней народной стражи.

4. Образование судной части с присяжными.

5. Уравнение рекрутской повинности между всеми сословиями.

6. Уничтожение постоянной армии.

7. Учреждение порядка избрания выборных в палату представителей народных, кои должны утвердить на будущее время правление в России.

Манифест этот, также как и вся программа декабристов, не был известен широким кругам населения, равно как и солдатским массам. Декабристы сделали очень мало, чтобы распространить свои идеи среди народа, чтобы заручиться его симпатиями... Вместе с тем они все же слишком тесно связаны были с правящими дворянскими кругами, чтобы дерзнуть на беспощадную борьбу с ними.

Наступило 14 декабря... Утром в Зимнем дворце была принесена Николаю присяга начальниками гвардейских частей и начальствующими лицами, и был дан приказ привести к присяге солдат. Тогда же утром в Московский полк, где уже все было готово к присяге, явился Александр Бестужев и стал говорить солдатам, что их обманули, что Константин не отказался от престола, а что его насильно хотят лишить прав на престол, и что Константин скоро будет в Петербурге. В результате этой пропаганды почти весь Московский полк отказался присягать и вышел в боевом порядке на Сенатскую площадь. Сюда же скоро явились и другие части: батальон гвардейского морского экипажа, князь Оболенский со своими стрелками, несколько рот лейб-гренадеров. Всего на Сенатской площади собралось около 2,000 человек, которые были построены четырехугольником (карре).

В это время петербургский генерал-губернатор Милорадович под'ехал к мятежникам и стал уговаривать их прекратить мятеж. Но не успел он начать свою речь, как Каховский выстрелил в него, и тот упал, смертельно раненый.

Первым выступил против мятежников лейб-гвардии конный полк под начальством Орлова. Последний дважды во-

дил в атаку свой полк, но оба раза безрезультатно: мятежники встречали гвардейцев штыками. После неудачной атаки полк Орлова уже не предпринимал никаких действий, и стоял без движения целый день. К восставшим постепенно присоединились еще и другие части, сначала колеблющиеся, и на стороне мятежников была уже большая сила. К нему примкнула также 8-я рота лейб-гренадерского полка, командир которого, полковник Стюрлер, тщетно умолял солдат не присоединяться к мятежникам и вернуться в казармы; он также был ранен Каховским.

Между тем Николай стягивал свои силы, присягнувшие ему войска, располагая их вокруг Сенатской площади и на всех улицах, так что мятежники были окружены со всех сторон. Положение было чрезвычайно неопределенное. Николай не чувствовал уверенности в победе, среди его приближенных чувствовалось большое смятение, и достаточно было организованного наступления со стороны декабристов, чтобы власть, а также и царская семья, попали к ним в руки. Как велико было смятение и растерянность среди сторонников Николая, видно из того, что поручик Панов, сторонник восставших, с частью лейб-гвардии гренадерского полка, совершенно свободно вошел во двор Зимнего дворца и мог без выстрела захватить его. Но он, заметив потом, что во дворце находятся чужие солдаты, решил просто уйти оттуда. Также легко было бы захватить заговорщикам Петропавловскую крепость, но вместо этого они предпочли стоять на Сенатской площади.

Николай уже готов был бежать и велел приготовить экипаж для своей семьи. Также и в городе было большое возбуждение. Население относилось явно сочувственно к восставшим, хотя не знало планов и программы декабристов, и выказывало враждебное отношению к Николаю. Толпы народа, собравшиеся на Сенатской площади и на прилегающих улицах, встречали войска Николая, а также его самого, оскорбительными словами и даже бросали в них камнями. Многие из них были даже вооружены чем попало. Сочувствие населения было определенно на стороне восставших, но последние не сумели этим воспользоваться. Они не развивали пропаганды среди населения, не посвящали его в свои планы, считая, что низшие классы населения

должны быть далеки от революции, а, между тем, широкие массы населения изнывали под тяжестью налогов и произвола и выказывали свои симпатии заговорщикам, даже не зная их программы, только потому, что видели в них противников Николая и его чиновников.

Многие из зрителей хотели также принять активное участие в восстании, но и тут руководители восстания не поняли, какое огромное значение может для них иметь участие народа в вооруженном восстании, и отказались от его помощи, так как революция, по их мнению, должна была быть дворянским делом.

Так, с одной стороны, смятение и растерянность Николая и его приближенных, а с другой — готовность солдатских масс к открытому восстанию и симпатии к восставшим со стороны населения, — давали восставшим все данные для того, чтобы восстание было удачным.

Но заговорщики не сумели воспользоваться создавшимися для них благоприятными условиями. Они пропустили случай захватить Зимний дворец с царской семьей, и Петропавловскую крепость, и вместо активных действий предпочли пассивно стоять на Сенатской площади. Главный заговорщик, князь Трубецкой, назначенный диктатором, не явился на площадь, чтобы принять на себя командование всеми силами восставших, а вместо того сидел «в страхе и унынии» в курьерской главного штаба. Сделал это он потому, что, как он рассказывает сам, он не верил в успех восстания, почему и не хотел им руководить.

Заговорщики тщетно ждали Трубецкого, не решаясь без него начать каких-нибудь действий, тщетно бегал в поисках его Рылеев. Солдаты весь день стояли на морозе, переминаясь с ноги на ногу в одних мундирах, и тщетно ждали, когда, наконец, их поведут в бой.

Среди заговорщиков царило уныние и растерянность, никто не верил в успех дела, и никто не хотел взять на себя командование в эту решительную минуту. Так прошел день. Наконец, лишь к вечеру уговорили князя Оболенского принять командование, но он не предпринял никаких решительных действий, а решил ждать наступления ночи, чтобы к нему перешли Семеновский, Николаевский и Преображенский полки, как они это обещали.

Как выразился один из участников восстания, революция 14 декабря была «стоячей».

Также и Николай не предпринимал весь день никаких мер, не будучи уверен в своих войсках и вообще боясь каких-нибудь решительных действий. Только митрополит петербургский Серафим попытался, но неудачно, обратиться с увещанием к восставшим. Между тем, помощники Николая — генералы Толь и Сухозанет убеждали Николая пустить в ход артиллерию, которая живо сметет всю эту «сволочь», как говорили они. После долгих колебаний Николай согласился, и на Сенатскую площадь была введена артиллерия. Артиллерию сначала доставили без военных снарядов и лишь затем привезли их, и тут был отличный случай восставшим отбить орудия. Но и здесь была допущена ошибка, стоившая затем жизни многим восставшим. Многие декабристы отлично понимали, что с их стороны было допущено много ошибок, которые решили исход восстания. В воспоминаниях одного декабриста мы, например, встречаем такую оценку событий. «Перед вечером увидели мы, что против нас появились орудия. Корнилович сказал: «вот теперь надо итти и взять орудия», но так как никого из вождей на площади не было, то никто и не решился взять на себя двинуть батальоны на пушки и может быть начать смертельную борьбу, что и решило участь этого несчастного покушения»[1]).

Оболенский проявил в эту решительную минуту растерянность и нерешительность. Несмотря на уговоры своих друзей, он не решился ни на какие действия и убеждал всех, что Николай не посмеет стрелять: «не посмеют, духу не хватит», говорил он.

Прежде чем пустить артиллерию в ход, генерал Сухозанет предложил восставшим сложить оружие, обещая всем помилование, кроме главных заговорщиков. Однако, требование его было встречено враждебно солдатами и стоявшим народом, и по его адресу посыпались оскорбительные замечания. Ему кричали: «Пусть пошлют для переговоров кого-нибудь честнее тебя.

---

[1]) *Беляев*—Воспоминания о пережитом и перечувствованном (Рус. Старина 1881 г. Стр. 499).

Наконец, был дан залп, и артиллерийским огнем карре мятежников было разбито. Масса солдат и народа, стоявшего около них, было убито и ранено, и вся площадь была залита кровью восставших. Ряды восставших были расстроены и в беспорядке солдаты и народ стали убегать, плеследуемые выстрелами.

Часть восставших под командой Михаила Бестужева пыталась перейти через Неву, чтобы занять, правда, уж поздно, Петропавловскую крепость. Однако, им это не удалось—встреченный картечью отряд рассеялся в разные стороны, часть же его попала в плен.

Восстание в Петербурге было подавлено... В ночь и на следующий день были произведены в Петербурге, Москве и других городах многочисленные аресты лиц, причастных к восстанию и к революционным обществам.

В ту же ночь масса убитых, а также и раненых были прямо спущены в сделанные в Неве проруби, и на утро на Сенатской площади не осталось никаких следов восстания. Революция окончилась [1]).

Так же неудачно окончилось восстание на юге, бывшее отголоском событий 14 декабря. Южное общество было обессилено арестом Пестеля и других видных деятелей его. Главными деятелями Южного общества оставались, после

---

[1]) Один из современников так отмечает события 14 декабря:

Когда открыли огонь по мятежным войскам, выстрелы попадали и в скопившуюся около них толпу. Началась паника. И произошла неизбежная давка. Во всех домах ворота и двери были заперты и не отпирались на вопли беглецов. Рассказывали, что Нева, набережная и улицы были покрыты трупами. По прекращении артиллерийского огня Николай повелел полицмейстеру Шульгину, чтобы трупы были убраны к утру. К сожалению, исполнители распорядились самым бесчеловечным образом. В ночь на Неве сделано было множество прорубей, в которые опустили не только трупы но, как утверждали, и многих раненых, лишенных возможности спастись от ожидающей их участи. Те же из раненых, которые успели бежать, скрывали свои увечья, боясь открыться докторам, и умирали без медицинского пособия. Но этим дело не обошлось: полиция и помогавшие ей рабочие пускались еще грабить, с мертвых и раненых, которых спускали в прорубп, снимали платья и отбирали у них вещи, даже спасавшихся ловили и грабили. Когда в течение зимы на Неве начали добывать лед, то многие льдины вытаскивали с примерзшей к ней рукой, ногой или целым трупом. Тогда запретили рубку льда у Васильевского острова и назначали для этого другие места на Неве. Со вскрытием рек трупы несчастных жертв декабрьского восстания унесены были в море".

Из бумаг чиновника III Отделен., см. Шильдер—Николай I. Стр. 515, т. I.

ареста Пестеля, братья Сергей и Матвей Муравьевы-Апостолы. После декабрьских событий, они, по распоряжению из Петербурга, были арестованы, но вскоре были освобождены членами общества соединенных славян. После освобождения Сергей Муравьев-Апостол поднял восстание в Черниговском полку. Заняв Васильков, Муравьев освободил находившихся здесь под стражей офицеров и, собрав своих солдат, велел священнику прочитать составленный им политический катехизис, который представлял собою символ веры гражданина[1]—«чистые республиканские правила, приноровленные к понятию каждого».

Затем С. Муравьев-Апостол произнес речь, в которой доказывал право солдат на свободу, призывал к защите ее и закончил свою речь призывом итти защищать свои права. Число поднятых С. Муравьевым-Апостолом и Бестужевым-Рюминым солдат было около 1,000 человек. С этими силами Муравьев-Апостол и отправился в Ковалевку. Здесь их встретила артиллерия Николая и, прежде чем Муравьев-Апостол успел приготовиться к защите, его войско было разбито и рассеяно. Оставшиеся в живых заговорщики были арестованы.

Так печально кончилось и южное восстание 3 января 1826 г., несмотря на энергию и мужество его руководителей.

Вслед за подавлением его были произведены многочисленные аресты членов южного офицерства и общества Соединенных Славян, которые вскоре за тем предстали перед судом.

Суд неправый и немилостивый.

Сейчас же после декабрьских событий начались аресты; было арестовано за 6 месяцев до 2,000 человек, кроме тех, которые явились добровольно. 17 декабря 1825 года была образована «Комиссия для изысканий о злоумышленных обществах», которая принялась за дело чрезвычайно энергично. Следствие о декабристах велось под верховным надзором самого Николая I, который не только направлял всю работу следственной комиссии, но и сам принимал в де-

[1]) См. в приложениях, „Катехизис Муравьева-Апостола“, стр. 77.

лах следствия деятельное участие. И надо отдать ему справедливость—Николай оказался удивительным следователем и отлично умел выпытывать у своих жертв нужные ему сведения, применяя к ним разные приемы. Николай I показал себя в процессе декабристов изумительным актером, способным принимать самые разнообразные позы. Он вникал в психологию каждой своей жертвы, изучал ее характер и слабости, и соответственно с этим он строил план допроса. Многих декабристов Николай допрашивал у себя во дворце. Перед одним Николай выставлял себя, как правитель, сам желающий реформ и потому желающий знать мнения и планы революционеров; с другим он обращался по-товарищески, с третьим он плакал вместе о судьбе России, четвертых он брал строгостью, выгоняя, как Трубецкого, пинком ноги, пятых он располагал к себе заботами о детях и обещаниями взять их на свое попечение, наконец, слабым и колеблющимся он обещал заступничество и покровительство, спасение, благодаря чему в порыве благодарности те выкладывали ему, что знали о заговоре.

Благодаря таким приемам следствия, правительство скоро узнало все детали заговора. Кроме того, многое было ему известно из доносов—Майбороды, Шервуда, Витта и др., которые давали все нити к раскрытию заговора; эти данные, умело использованные царственным следователем, заставляли подсудимых давать самые подробные показания.

Не все декабристы держали себя с одинаковым достоинством. Многие теряли мужество и, побуждаемые обещаниями прощения и свободы, наговаривали на своих товарищей, лишь бы скорее закончилось следствие. Многие были также в невменяемом состоянии, благодаря тем особым мерам, которые применяла к заключенным следственная комиссия. Кроме того, и слишком разны были сами декабристы. Одни замыкались в своем молчании и не хотели давать никаких показаний, и лишь только тогда, когда убеждались, что правительству все известно о степени участия каждого из них в восстании, они давали свои показания; другие же с самого начала давали правдивые показания о себе, не желая лгать, но не называя своих товарищей. Но были также и озлобленные, которые слабо были связаны с обществом, не принимали активного участия в выступлении 14 декабря

и вымещали на косвенных виновниках своего несчастия все, что они знали об обществе и об его участниках. Были и такие, которые наговаривали на других, лишь бы обелить себя или же под влиянием страха за свою участь выбалтывали все, что знали об обществе, и даже сами наговаривали на членов его.

Наиболее позорно вел себя среди декабристов князь Трубецкой—этот бывший диктатор восстания. Боясь смерти, он униженно умолял Николая даровать ему жизнь, целовал ему руки и выдавал все, что ему было известно. Более отвратительной фигуры нельзя себе представить. Очень тяжелое впечатление производят также показания двух декабристов—Рылеева и Каховского, в которых они оговаривают друг друга.

В результате всех допросов и пользуясь особыми мерами воздействия на заклюечнных, следственная комиссия собрала все нужные сведения.

В своей работе комиссия преследовала определенную цель—собрать материалы для обвинения всех так или иначе причастных к декабрьскому восстанию; поэтому в своей деятельности комиссия не гнушалась никакими средствами и действовала, как говорит декабрист Фонвизин, в «инквизиционном духе», прибегая к угрозам, нравственному и физическому изнурению заключенных, а также к прямой клевете, и заставляла подписывать такие показания, которых они не делали. К нам дошли свидетельства того, что комиссия применяла также и пытки к заключенным, например, к Пестелю. Еще больше действовала нравственная пытка. Угрозы и обещания помилования, непрерывные допросы, производимые в грубой форме, оговоры, которые будто бы сделали их товарищи, внезапные милости некоторым декабристам,— все это, конечно, действовало на волю заключенных и вызывало с их стороны сознания и оговоры, которые являлись лишь результатом этой нравственной пытки.

Верховный уголовный суд над государственными преступниками, открывший свои заседания 3 июня 1826 года, был лишь пустой формальностью и являлся продолжением следственной комиссии. Чтобы придать этому суду больше весу, суд был образован из высших чиновников, генералов и архиереев, которые, однако, своей воли не имели, а слепо

выполняли приказания Николая. В какой обстановке происходил суд, видно из того, что на первом же заседании был поставлен вопрос, «призывать ли подсудимых к подтвердительному допросу, как то велит законный порядок», и на этот вопрос большинство членов суда ответило отрицательно, считая невозможным это сделать из-за «затруднения». Вместо допроса в суде было решено опросить каждого «преступника» в тюрьме. И никто из подсудимых не знал, что суд уже происходит: каждому показывали его предварительные показания и спрашивали: «подтверждаете ли все показанное вами» и требовали подписки об этом. И когда был об'явлен приговор, то для декабристов это было полной неожиданностью, так как они думали, что суд еще не начинался.

Верховный суд разделил всех подсудимых на 11 разрядов или категорий, в зависимости от степени виновности. Вне всяких разрядов стояли Пестель, Рылеев, Каховский, Сергей Муравьев-Апостол и Михаил Бестужев-Рюмин, которых суд присудил к казни «колесованием». Первый разряд в количестве 30 человек был осужден также на смерть, но более «милостивую»,— путем отсечения головы. Остальные же разряды были присуждены к каторге от вечной до 4 лет и к ссылке на поселение в Сибирь; последним же разрядам было разжалование в солдаты—без выслуги и с выслугой. Всего было осуждено, кроме 5 приговоренных к смерти колесованием, 116 человек, а кроме них еще 46 человек были подвергнуты заключению в крепости и другим взысканиям без суда.

Суд был неправый и немилостивый. В своем всеподданнейшем усердии Верховный суд счел необходимым указать Николаю на недопустимость облегчения участи осужденных. Однако, Николай все же решил несколько «смягчить» приговор. Считая приговор Верховного суда по «существу дела и силе закона сообразным», Николая «смягчил» приговор, чтобы «силу закона и долг правосудия согласовать с чувствами милосердия». Поэтому он заменил первому разряду казнь вечной каторгой (только 6 подсудимым казнь была заменена 20 годами каторги), другим же разрядам было уменьшено несколько наказание в смысле уменьшения лет каторги. Судьба же остальных пятерых, приговоренных к

смертной казни, была передана решению Верховного уголовного суда и «тому окончательному постановлению, какое в сем суде состоится». Верховный суд оказался на высоте и вместо мучительной смерти через колесование он приговорил пятерых декабристов к повешению: это был предел милосердия суда, положенный волей Николая I.

Казнь была совершена 14 июля на экспланаде Петропавловской крепости, где еще задолго до суда решил произвести казнь Николай; при чем во время повешения трое декабристов—Муравьев, Бестужев и Каховский оборвались, и их принялись вешать вторично.

Тела первых жертв восстания против царизма были на следующий день отвезены на остров Голодай, где тайно и похоронены [1]).

Так погибли первые русские революционеры, поднявшие восстание против самодержавия. Остальные декабристы, приговоренные Верховным судом на каторгу и поселение в Сибири, провели там почти все всю свою жизнь. Лишь немногие из них дождались амнистии в 1856 г.; из числа сосланных уцелело к тому времени лишь 29 человек.

Приговор над декабристами был также несправедлив и произволен, какой была вся деятельность суда. Многие декабристы отнесены были к разряду, дававшему более тяжкое наказание, чем заслуживал подсудимый по своему участию в делах общества. Напротив, некоторые декабристы, игравшие важную роль в делах общества, были приговорены к сравнительно небольшому наказанию. Не сдержал суд также свои обещания облегчить участь подсудимых в случае полного их признания. «Раскаявшимся» и подробно рассказывавшим о декабрьском восстании не было смягчено наказание. Напротив, упорствовавшим и не желавшим давать показания, наказание не было увеличено.

Таким образом, личный произвол и невнимательность играли решающую роль в отнесении «преступника» к тому или другому разряду, а не степень вины его.

---

[1]) Подробный рассказ о казни декабристов см. в приложении „Казнь декабристов", стр. 90.

Социально-политические теории декабристов.

Многие историки, оценивая смысл и значение декабрьского восстания, считают декабристов идеалистами, сумевшими целиком отрешиться от своих классовых предрассудков в интересах общего блага. Некоторые даже, как Герцен, называют декабристов социалистами. Такая оценка декабрьского восстания не может нас удовлетворить. Чтобы понять, как следует, рассматриваемое нами явление, необходимо связать его с той эпохой, поставить восстание декабристов в связь с экономическими противоречиями русского общества начала XIX века, проследить зависимость взглядов декабристов, их социально-политические теории от классовой принадлежности их. Только в этом случае мы сумеем найти настоящее об'яснение тому, как сказывались и развивались взгляды декабристов.

Прежде всего, кем были декабристы по своей классовой принадлежности? Большинство декабристов принадлежало к средним дворянским слоям, интересы которых требовали изменения положения крестьян; другая, также значительная часть, представляла собой малоземельное дворянство,—мелкие офицеры и чиновники, связанные уже с городской организацией—будущие чиновники и интеллигенты. К этой категории декабристов относился и Пестель, хотя и происходивший из дворян, однако, крестьянами и землями не владевший. Наконец, третью, и самую незначительную группу декабристов составляла знатная и родовитая аристократия, как, например, князь Трубецкой и Оболенский, которые своим дальнейшим поведением, как князь Трубецкой, доказали, что им действительно не по пути с прочей «дрянью», как выразился о декабристах Николай.

Таковы были три разные группы, которые можно выделить при изучении состава декабристов. И уже в этом составе мы видим отражение тех экономических противоречий, которые господствовали в русском обществе начала XIX в. и которые придали декабрьскому движению определенный буржуазно-помещичий характер. То обстоятельство, что большинство декабристов принадлежало к среднему и мелкому дворянству и нарождающейся буржуазии, и об'ясняет тот

факт, что теории декабристов выражали, главным образом, интересы этого класса—среднего и мелкого дворянства и буржуазии. Все же разговоры о том, что декабристы были выше своих классовых противоречий, в настоящее время, при знании всех деталей истории 14 декабря, за немногими исключениями, не соответствуют действительности.

Но это нисколько не умаляет значения декабристов в истории борьбы против самодержавия; напротив, связь декабристов с экономическими условиями того времени придает этому эпизоду русской революционной истории еще большее значение.

Что, действительно, декабрьское движение отражало классовые интересы некоторых слоев общества того времени, видно уже из того, что представители высшей аристократии, не связанные с революционным обществом общностью своих интересов, как князь Трубецкой, представляли очень неустойчивый элемент в декабрьском движении, и достаточно было небольшого нажима на революционеров этого типа, как они проявляли полное «раскаяние»; в усердии своем, отрекаясь от своих заблуждений, они выдавали всех тех, кто доверялся им раньше, даже больше, чем этого требовали представители власти.

Сам Трубецкой—этот убоявшийся диктатор декабристов, которого приводят, как доказательство того, что многие декабристы отрешились от своих классовых интересов, представляет интересную фигуру. На случай успеха восстания Трубецкой, как диктатор, набросал проект манифеста, в котором провозглашались разные «свободы»[1]); однако, манифест этот является не столько отражением взглядов самого Трубецкого, сколько всего Северного общества, представителем которого он является. По его же показаниям следственной комиссии, Трубецкой рисуется, как представитель крупной земледельческой аристократии, ни на минуту не забывший о своей принадлежности к ней, для которого его революционная деятельность сводилась просто к фразам, к «свободному образу мыслей», как он сам выражается. Сам он был чрезвычайно умеренных взглядов, больше либеральничал, чем думал о перевороте, к декабристам

---

1) Манифест Трубецкого см. в прилож. стр. 69.

же пристал только благодаря желанию играть среди них известную роль—избрание в качестве диктатора льстило его самолюбию. Но как только нужно было доказать свои убеждения на деле, Трубецкой позорно бежал, а в дальнейшем, на показаниях, стал говорить даже, что он хотел выдать общество еще до 14 декабря.

И своим поведением Трубецкой показал, что он, действительно, случайная фигура в декабрьском движении и что он мог быть с декабристами лишь до тех пор, пока не приходилось действовать. В решительную минуту представителям крупной земельной аристократии было не по пути со средним и мелким дворянством и буржуазией.

Политическая программа среднего дворянства была выражена в конституции Никиты Муравьева,— которая защищает интересы среднего помещичьего слоя и носит ярко выраженный сословный характер. Никита Муравьев, один из главных деятелей Северного общества, опирался в своей политической программе на средних помещиков, составлявших огромное большинство среди русского дворянства. По конституции Муравьева избирательным правом пользуются все, имеющие более 100 душ. Таких же было в России этого времени свыше 16,000, в то время как имевших свыше 500 душ было всего 2,200, а владельцев более 1,000 душ было лишь около 1,500 человек. И эти 16,000 средних помещиков и составляли избирательную массу по проекту Муравьева.

Понятно, поэтому, что конституция Муравьева (составленная, кстати сказать, лишь в виде проекта) пользовалась большой популярностью среди членов общества, в огромной массе своей тех именно помещиков, интересы которых имел в виду Муравьев при составлении своей конституции.

Каковы же были политические взгляды этой части русского общества, как они рисуются по конституции Муравьева?

Образцом для конституции Муравьева послужили Сев.-Амер. Соед. Штаты. В основу государственного устройства Муравьев клал конституционное правление с участием, правда, императора, который, однако, сохранялся только для вида, прав же не имел никаких. Все русское государство делится, по мысли Муравьева, на несколько провинций,

имеющих самостоятельное управление и посылающих своих депутатов на общегосударственный парламент. Россия представляла, таким образом, федерацию из 13 отдельных самостоятельных областей, как это имеется, например, в Соединенных Штатах.

Конституция Муравьева равно определяет права граждан и гарантирует свободы, она устанавливает свободу личности, печати, вероисповедывания, организовывает судопроизводство и суд присяжных, уничтожает сословия и чины и вводит равенство всех пред законом.

Государь, по проекту, хотя и существует, но власть его очень ограничена. Он пользуется правом созыва народного веча, назначает министров и других чиновников, предводительствует над войском. Однако, войны он не вправе об'являть без народного веча, также и договоры с другими государствами он мог заключать лишь с согласия Народной Думы. А во всем прочем, государь—«особа священная, неприкосновенная и безответственная». Министры и чиновники, назначаемые государем, подлежат ответственности за свои действия, однако, только в уголовном порядке, т.-е. если совершают деяния, караемые законом, но не в парламентском, т.-е. не обязаны уходить в отставку, если их деятельность осуждается большинством в парламенте.

Вся законодательная власть в государстве принадлежит двум палатам народного веча: Верховной Думе и Палате Народных Представителей. Но издавать основные, конституционные законы может лишь особое Учредительное Собрание. Члены палаты представителей выбираются на 2 года по одному представителю на каждые 50,000 жителей мужского пола. Верховная же Дума состоит из 3 членов от каждой входящей в федерацию державы. В каждой державе есть также две палаты—палата выборных и думы, при чем члены обоих палат выбираются одними и теми же избирателями, но зато право быть выбранными в ту или другую палату зависит от имущественного состояния, от ценза.

Народное вече всей федерации издает законы, относящиеся ко всем областям народной жизни, определяет налоги, устанавливает займы, об'являет войну и заключает мир, об'являет амнистию, контролирует деятельность правительства, руководит деятельностью провинциальных палат.

Провинциальные палаты, по конституции Муравьева, пользуются самостоятельностью в хозяйственной, административной и просветительной деятельности своей провинции, в области же законодательной они не имели права издавать законы для своей провинции, что могло делать только федеративное вече.

Исполнительная власть в отдельных провинциях находится в руках областных правителей, избираемых Народным Вечем на 3 года из числа кандидатов, предлагаемых областными законодательными собраниями. Областные правители имеют в своей области такую же власть, как государь в целом государстве.

Кроме областных правителей, в каждую область назначаются еще наместники и советники, избираемые на 3 года областными палатами.

Кто же имел право избирать и быть избранным в законодательные палаты?

По конституции Муравьева избирательным правом обладал каждый гражданин, обладавший имуществом на сумму 5,000 рублей, т.-е. помещик, владевший 50 душами. Чтобы быть избранным на самые высокие должности в государстве, надо было обладать имуществом в 30,000 руб., т.-е. владеть 300 душами. Такой имущественный ценз требовался, чтобы быть избранным в члены Верховной Думы, правители провинций, наместников их, членов державных (областных) дум и т. д. Только для народных представителей в державном вече и областных палатах выборных не требовался высший ценз, чем ценз избирателей, т.-е. 5,000 рублей.

Таким образом, вся власть в государстве, по проекту конституции Муравьева, предоставляется владельцам состояния от 5—30 тыс. руб., т.-е. средним дворянам-помещикам, владельцам 50—300 душ. Именно интересы этой группы русского дворянства и защищал Муравьев в своем проекте будущего устройства русского государства.

Как относился Муравьев к крестьянству? Не шел ли он далее своих современников—средних дворян? В первоначальном проекте конституции Муравьева крестьяне должны быть освобождены совсем без земли, которая оставалась у помещиков. Декабрист Якушкин в своих вос-

поминаниях рассказывает, что крестьяне должны были при освобождении получить только избы, усадьбу и выгон, земля же должна была остаться за помещиком. Тот же Якушкин далее рассказывает, что когда он предложил своим крестьянам освобождение на этих условиях, они предпочли остаться в крепостной зависимости[1]).

Муравьев в окончательном проекте конституции идет дальше Якушкина: он предлагает освободитть крестьян, дав им живой и мертвый инвентарь, усадьбы и две десятины на двор, т.-е. голодный надел, при котором крестьянин не сумеет прожить, а вынужден будет итти в кабалу к помещику.

Но, скажут, декабристы отрешились от своих классовых предрассудков и интересов, соглашаясь на освобождение крестьян, хотя бы даже и в таком неполном виде, в ущерб своим интересам.

Такое представление о декабристах было бы, однако, совершенно неверным. Развитие хозяйства в первой четверти XIX века показало всю невыгодность эксплоатации подневольного, крепостного труда, и освобождение крестьян от крепостной зависимости было, прежде всего, в интересах самих помещиков, иначе их хозяйству грозило полное расстройство. И для среднего помещика-дворянина освобождение крестьян или, по крайней мере, облегчение тягот крепостного строя был вопрос собственного материального благополучия, почему освобождение крестьян и было включено средним дворянством в его революционную программу, как борьба против крупного землевладения, интересы которого и в этом вопросе были противоположны. Но, добиваясь, в своих интересах, освобождения крестьян, среднее дворянство вовсе не собиралось итти на жертвы, почему в проект конституции Муравьева и было включено такое неполное удовлетворение крестьян землей.

Лунин оставил завещание, в котором он требовал от своих родственников освободить крестьян, но не касаясь земли, лесов, строений, имущества и пр. угодий.

---

[1]) Декабрист Митьков говорит, что при безземельном освобождении помещики получали бы верные доходы со своих земель. Выгоднее владеть землей, чем крестьянами, которые часто бывают в тягость помещику.

Таким образом, мы видим, что государственное устройство, каким рисовал его себе Муравьев, а с ним и все Северное общество, должно было предоставить всю власть среднему дворянству, узко-сословные интересы которого и защищались конституцией Муравьева и Северным обществом. Конечно, такая организация государства не могла быть по душе крупным помещикам, «аристократии», почему она подавила декабрьское восстание и жестоко расправилась с его организаторами.

Но такая организация государства, не представлявшая другим классам никаких прав (ибо кто мог владеть 50 душами, кроме помещика!), конечно, не могла привлечь на сторону декабристов симпатии других классов, кроме разве купечества. И этим об'ясняется неудача декабрьского восстания.

Из той же несовместимости крепостного права с новыми формами хозяйства, с новым буржуазно-капиталистическим обществом возникают взгляды Пестеля, его конституционные проекты, которые также носят сословный помещичий характер. Но в отличие от муравьевского проекта, конституция Пестеля демократичней, она опирается не только на среднее дворянство, но также и на нарождающуюся городскую буржуазию, на мелкое чиновничество, безземельных дворян-бедняков, на мелкий служилый дворянский элемент. Поэтому и взгляды Пестеля несколько шире муравьевских взглядов. И сама конституция его полнее, продуманней, лучше составлена.

Взгляды Пестеля, социальные и политические, выражены им в «Русской Правде», которая представляет наказ или наставление временному верховному правлению, а вместе с тем и «об'явление народу, от чего он освобожден будет и чего вновь ожидать можно».

Существование всякого государства, по мнению Пестеля, основано на взаимном равновесии прав и обязанностей правительства и народа. Правительство распоряжается общей деятельностью народа и изыскивает средства для достижения благоденствия всех граждан в целом и каждого в отдельности; народ повинуется правительству и имеет право требовать, чтобы правительство хорошо

выполняло свою основную цель, т.-е. чтобы оно стремилось к благоденствию всех граждан.

Итак, всеобщее благоденствие граждан есть первая и самая главная задача правительства. От чего же зависит благоденствие граждан? От двух условий, отвечает Пестель—от общей безопасности и благосостояния. Правительство должно поддерживать общую безопасность всех граждан, без чего не может развиваться его благосостояние; с другой стороны, правительство должно устранить все те препятствия, которые могут помешать гражданам достигнуть благосостояния.

Поэтому правительство есть «принадлежность народа, и оно утверждено для блага народного, а не народ существует для блага правительства». Все, что не служит интересам народа, есть тирания, или, как говорит Пестель, «зловластие». В России такое «зловластие» существует, и для блага народа необходимо полное преобразование государственного строя в России.

Каков же должен быть политический строй в России? Прежде всего, Пестель является решительным противником федеративного устройства государства, которое выдвигал Муравьев, так как при федерации Россия, по мнению Пестеля, неизбежно разложилась бы на ряд мелких государств и далее потеряла бы свою самостоятельность.

Признавая за каждым народом право на самостоятельное бытие, на политическую независимость, Пестель, однако, считал, что стремление к политической независимости не должно вредить праву «благоденства», т.-е. не должно отзываться вредно на интересах государства.

Рассматривая все народности России с этой точки зрения и в их историческом развитии, Пестель приходит к заключению, что ни одна из народностей, населяющих Россию, кроме поляков, не имеет права на самостоятельное существование. Поэтому все народности России должны подчиниться господствующему народу.

По мысли Пестеля вся Россия должна делиться на области, уезды и волости, при чем последние являются как бы ячейкой государственного организма. Раз в год во всех волостях собирается земское волостное собрание, которое длится только шесть дней. На этих собраниях избираются

члены уездных и областных собраний. Кроме того, занимаются рассмотрением всяких дел, касающихся волости. Избранным в волостное собрание может быть всякий гражданин, достигший совершеннолетия, при чем никакого ценза для избирателей не требуется.

Верховная законодательная власть в России, как это видно из брошюры Пестеля «Государственные заветы», принадлежит Народному вечу, состоящему из народных представителей, избранных областными собраниями. Народное вече сосредоточивает в своих руках всю законодательную власть и решает вопрос о войне и мире. Народные избиратели выбираются на 5 лет, при чем пятая часть их каждый год выходит из состава и заменяется новыми. Над Народным вечем имеется еще Верховный собор, который рассматривает постановления веча и утверждает их и наблюдает за действиями исполнительной власти.

Исполнительная власть принадлежит Державной думе, состоящей из 5 человек, избираемых на 5 лет; в зависимости от думы находятся министры. Все действия министров должны быть скреплены подписью представителя Верховного собора, генерал-прокурором, без чего распоряжение не имеет силы. В провинциях (областях) исполнительная власть принадлежит управам и генерал-губернаторам, назначаемым Верховной думой.

Подробно излагаются Пестелем права и обязанности граждан. Свобода личности—это самое важное право гражданина, которое государство особенно должно защищать. Никто из граждан не может быть арестован и подвергнут заключению без соблюдения формальностей, указанных в законе.

Жилище гражданина неприкосновенно и никто не имеет права войти в него без разрешения хозяина. Суд и наказания применяются ко всем гражданам одинаково, на основе равенства, чрезвычайные суды не могут быть допущены; вводятся суды присяжных. Устанавливается свобода совести, свобода печати, права занятия любых должностей. Пестель, однако, высказывается против свободы союзов, считая открытые и тайные общества излишними и даже вредными при новом устройстве России. Вместо личной воинской повинности устанавливается всеобщая обязательная воинская

повинность, продолжающаяся 15 лет. Вещественные повинности — содержание и продовольствие войск, содержание почт и пр. отменяется. Отменяется также подушная подать, взамен которой вводится налог с дохода. Косвенных налогов должно быть как можно меньше. Все сословия отменяются и все граждане имеют право заниматься промышленностью, ремеслами и торговлей. Дворянство, как сословие, уничтожается, а дворяне облагаются податями наравне с прочими гражданами. Крепостное право уничтожается, и вместо крепостных работников всюду, по мысли Пестеля, должен употребляться труд вольнонаемных, так как «из политической экономии известно, что те только изделия полезны, которые заводятся без всяких насильственных мероприятий, и которые, следовательно, собственным своим избытком себя содержать могут»...

Как же решал Пестель земельный вопрос, устройство крестьян после освобождения от крепостного права? Здесь мы встречаем у него сложную и интересную теорию. Казенные и удельные крестьяне об'являются вольными и распределяются по волостям, при чем земли их делятся на две части: одна составляет общинную собственность волости, вторая же под названием казенной, поступает в собственность государства. Общественную землю общество не может продавать или закладывать. Она подвергается ежегодно разделу. Каждый член волости имеет право требовать участок земли, достаточный для прокормления семьи из 5 человек. И этот необходимый участок волость обязана представить каждому своему члену. За отданную в пользование землю крестьянин платит государству оброк, который является как бы податью, что же касается казенной земли, то государство является, в отношении к казенной земле, в виде частного человека и потому казенные земли продавать может. Эту землю государство также предоставляет крестьянам для наделения тех из них, которые пожелают иметь сверх установленной нормы, при чем за эту землю полагается платить государству оброк.

Также и земля свободных крестьян делится на две части: одна передается общине, другая же остается для собственного пользования, при чем за переданную общине зе-

млю собственник ее получает или денежное вознаграждение или же участок казенной земли.

Помещичьи крестьяне также освобождаются, при чем у помещиков принудительно забирается половина земли. При этом Пестель делит всех помещиков на 3 группы: владеющих более 10,000 десятин земли, владеющих от 5,000—10,000 дес. и тех, кто имеет менее 5,000 дес.

Первая группа уступает крестьянам половину своей земли без всякого вознаграждения за нее; вторая группа, т.-е. владеющая от 5—10 тыс. дес. получает частичное вознаграждение, наконец, третья группа—владельцы до 5,000 д. получают полное вознаграждение за отнимаемую у них землю.

Таким образом, Пестель не защищает только интересов «аристократии», крупных помещиков, владельцев огромных имений свыше 10,000 дес., горячим противником которой он всюду себя выставляет. Интересы же среднего и мелкого дворянства ему дороги, и он пытается провести земельную реформу так, чтобы они не пострадали. «Освобождение крестьян от рабства», говорит Пестель, «не должно лишать дворян дохода, ими от поместий получаемых». При проведении этой земельной реформы Пестель опасался, что могут быть беспорядки среди крестьян, и считает необходимым принять соответствующие меры. «Освобождение сие должно предоставить крестьянам лучшее положение против теперешнего, а не мнимую свободу им даровать; однако, освобождение сие не должно произвести беспорядков и волнений в государстве, для чего обязывается Верховное правление беспощадную строгость провести против всяких нарушителей спокойствия».

Каких же беспорядков опасался Пестель при проведении аграрной реформы? Очевидно, соблюдение интересов помещиков, «чтобы доход помещиков неприкосновенен был», было невозможно одновременно с удовлетворением крестьян. Потому Пестель опасается беспорядков, что крестьяне не останутся довольны переменами, которые имеют в виду опять-таки интересы помещиков.

Отнятая от помещиков земля не переходит в собственность крестьянам, а составляет общинную собственность,

при чем Пестель не говорит подробно, как надо провести эту реформу в жизнь.

Таким образом, половина всех земель, после реформы, должна была составлять собственность волости, которая при этом не имела права продавать ее; вторая же половина составляла собственность государства и частных лиц.

Что же представляет собой в конечном итоге план Пестеля о переустройстве владения землей?

Он не высказывается вообще против частного владения земли, а лишь против крупных помещиков, «аристократии», как он их называет.

Будучи противником крупного землевладения, Пестель пытается раздробить крупную земельную собственность, лишить богатых дворян их крупных имений, но зато он создает большое число сравнительно небольших владельцев земли, не связанных с дворянством. Другими словами, Пестель пытался создать буржуазное землевладение, при чем владельцы земли, не ограничиваясь своим участком, могли присоединить к себе новые участки, что делало возможным крупное буржуазное землевладение. Но создавая новый класс помещиков, Пестель, однако, защищал также интересы и среднего и мелкого дворянства, путем платного из'ятия от них земли.

Таким образом, несмотря на все свое «республиканство» и крайние взгляды, Пестель, однако, не сумел возвыситься над узко-сословными, дворянско-помещичьими интересами, которые в это время уже изменяются под влиянием экономических условий того времени.

В среде крепостников-дворян начала XIX века появилась глубокая трещина, и от них откололась часть с иными экономическими интересами, чем интересы остального дворянства. Из этой части дворянства вышла в дальнейшем буржуазия.

Интересы этой нарождающейся буржуазии и защищает в своей конституции Пестель.

Смысл и значение декабрьского восстания.

Восстание 14 декабря кончилось печально для его организаторов. Мы видели, чем об'ясняется неудача восстания. Политическая и социальная программа декабристов носила

узко-сословный характер и оставалась чужда другим классам населения; декабристы очень мало сделали для привлечения в свои ряды и других классов, напротив, они относились к участию в революционной работе других классов отрицательно. По этим же причинам декабристы не занимались пропагандой своих взглядов среди широких масс населения, считая, что не дело населения заниматься революцией. Также недостаточна была пропаганда революционных идей среди солдат, которые должны были составлять главную силу при восстании.

В результате такой близорукой политики декабристы были одиноки, и в решительную минуту они не были поддержаны ни пролетарскими слоями общества, ни в особенности солдатской массой, которая могла принять участие в гораздо большем размере, чем это было фактически 14 декабря. И в этом неиспользовании широких масс в революционном движении и слабой пропаганде среди солдат, которые были главной опорой при всех переворотах, и лежит главная причина неудачи декабрьского восстания.

Другой причиной неудачи явилась слабая организованность декабристов. Занимаясь преимущественно теоретическими разговорами и вырабатывая программу своей деятельности, декабристы были очень далеки от выработки революционной тактики, и дальше построения разных, подчас несогласованных планов, они не пошли. Поэтому, когда наступила пора действия, когда нужно было использовать благоприятно сложившиеся обстоятельства, то декабристы растерялись. Они выступили без плана, без руководителя, не зная, что именно следует сделать, чтобы попытаться свергнуть царское правительство, не будучи уверены в собственных силах и заранее уверенные в провале своего выступления. И декабристы выступили не столько потому, что хотели переворота, сколько чувствовали необходимость претворить слова свои в дело и показать, что их обязанность—умереть за революцию.

Наконец, у декабристов не было руководителей. Самые талантливые из них были теоретиками революции, но не революционерами, способными добиваться осуществления своих идей с оружием в руках. Потому даже и те благоприятные обстоятельства, которые представились декабри-

стам, ими не были использованы. А между тем, у них были все данные для того, чтобы с имеющимися силами завладеть властью. Русская история знает много таких военных переворотов, когда судьба правительства зависела исключительно от энергии решительных людей, умевших во время выступить с кучкой преданных им солдат. Если бы среди декабристов оказался энергичный революционер, который повел бы преданные им войска на дворец и Петропавловскую крепость, то судьба царизма, правда, вероятно, не надолго, была бы решена. Но к несчастью, среди декабристов не нашлось никого, кто мог бы взять на себя роль руководителя восстания, и декабрьская революция вышла «стоячей».

Однако, несмотря на печальный исход декабрьского восстания, в результате которого пролилась невинная народная кровь на Сенатской площади, революция 14 декабря имеет большое значение в истории русской революции. Прежде всего, это не военный заговор, не дворцовый переворот, которыми до XIX века была богата история России; это настоящая классовая революция, возникшая на основе классовых противоречий. Пусть эти классовые противоречия возникли среди дворянства, и сама революция носила сословный характер, но она тем и важна, что она знаменует собой разложение дворянства и нарастание новых классов общества под влиянием причин экономического характера.

Затем декабрьская революция—это первое вооруженное восстание против царизма.

Оплотом царской власти в России было дворянство, которое не только было верным слугой монархизма, но которое и само могло существовать, в виде привилегированного сословия, только при самодержавии. Разложение этого привилегированного класса под влиянием экономических причин, и восстание дворянства против самодержавия поэтому принимает особенно важное значение.

Таким образом, мы получаем ответ на тот вопрос, который мы поставили при самом начале рассмотрения декабрьского восстания: кто были декабристы — революционеры или дворяне-предатели?

Декабрьское восстание—это одна из славных страниц нашего революционного прошлого, а декабристы—«первые представители революционного народничества, умевшего по-

гибать в те дни, когда рабочий класс только еще нарождался, когда не было пролетариата и не могло быть классовой пролетарской борьбы».

Декабрьское восстание вполне соответствует своей эпохе и тем социальным условиям, которые были в то время, которые и вызвали это восстание против царизма. И чтобы понять значение и смысл декабрьского восстания, нужно подойти к нему с такой оценкой, которая опиралась бы на знание этих экономических условий и на развитие революционного движения в России. Только в этом случае можно понять смысл и значение декабристов в истории революционного движения в России.

«Коммунистическая партия отнюдь не представляет собою собрание людей, не помнящих своего революционного родства, а русский рабочий класс далек от того ненужного чванства, которое бы помешало ему сейчас достойно вспомнить о революционерах, хотя и не принадлежавших к его классу, но выступивших на борьбу с самодержавием, в тот момент, когда пролетариат в России только нарождался.

Что касается общества бывших политических каторжан, то последнее не только в своем полном составе, но и в лице коммунистической фракции видит в декабристах одних из первых сидельцев за политические преступления в казематах царских каторжных тюрем. Конечно, и до декабристов были политические заключенные, боровшиеся с царизмом. Но декабристы—это одно из первых больших групповых выступлений, которое дало не только большой политический процесс, но и политическую каторгу, наложившую свой неизгладимый след на всю последующую историю общественно-революционного движения в России.

Мы помним о жертвах декабрьской войны на Сенатской площади 14 декабря 1825 года, но мы не забываем и общего исторического значения декабрьского восстания, которое нас, бывших политических каторжан, заставляет отдать должную дань уважения первым представителям революционного народничества, умевшим бороться с царизмом и носить кандалы в те дни, когда русский трудовой народ еще спал глубоким сном.

Именно поэтому нам кажется, что вряд ли сейчас уместны сомнения в том, следует ли праздновать столетний

юбилей декабрьского восстания против царизма. Для нас, бывших политических каторжан, это—столетний юбилей массовой политической каторги, а затем и политической ссылки, и это побуждает нас выступить в качестве инициаторов организации празднования столетней годовщины декабрьского восстания 1825 года».

Вот какими словами характеризует председатель общества полит-каторжан значение декабристов в истории революционного движения России, которое дает обществу право в 100-летнюю годовщину увековечить память декабристов сооружением им памятника на Сенатской площади.

ЛИТЕРАТУРА.

Покровский.—Русская история в самом сжатом изложении, т. I—II, стр. 11—22.

Ельницкий.—История рабочего движения в России, изд. ВЦСПС, 1923 г., стр. 7—47.

Невский, В.—Очерки по истории РКП (большевиков), т. I, из-ство «Прибой», 1924 г., стр. 3—35.

История России в XIX веке.

Записки Коммунистического университета имени Свердлова, т. I.

Семевский, В. И.—Политические и общественные идеи декабристов. Ленинград, 1909 г.

Довнар-Запольский, М. В.—Идеалы декабристов. М. 1907 г.

Довнар-Запольский, М. В.—Тайные общества декабристов. М. 1907 г.

Пыпин.—Общественные движения при Александре I.

Шильдер.—Николай I, т. I, стр. 324.

Довнар-Запольский, М. В.—Мемуары декабристов.

Бороздин.—Из писем и показаний декабристов, 1909 г.

Павлов-Сильванский.—Пестель.

Павлов-Сильванский.—Пестель перед уголовным судом.

Дмитриев-Мамонов.— Декабристы в Зап. Сибири.
Попов.—Конец и последствия бунта.
Сборник.—Политические и общественные движения в России в первую половину XIX века, т. I составили: Семевский, В. И., В. Богучевский, П. Е. Щеголев. 1905 г.
Базилевский.— Государственные преступления в России в XIX веке.
Кирик-Левин.—Декабристы, изд. «Пролетарий», 1923 г.
Записки декабристов.—Завалишина, Бассаргина, кн. Трубецкого, кн. Волконского, Беляева, Лорера, Розена, Горбачевского, Поджио.
Собрание стихотворений декабристов, т. I, изд. Фомина, И. И., 1906 г.
«Декабристы».—86 портретов, изд. Зензинова, М. 1906 г.
Щеголев П.— «Русская Правда».

ПРИЛОЖЕНИЕ.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ ВЕЧЕРА ПАМЯТИ ДЕКАБРИСТОВ.

Письмо Александра Александровича Бестужева к императору Николаю Павловичу из Петропавловской крепости.

Ваше Императорское Величество!

Уверенный, что Вы, Государь, любите истину, я беру дерзновение изложить перед Вами исторический ход свободомыслия в России, и вообще многих понятий, составляющих нравственную и политическую часть предприятия 14 декабря. Я буду говорить с полной откровенностью, не скрывая худого, не смягчая даже выражений, ибо долг верноподданного есть говорить монарху правду без прикраски.

Приступаю.

Начало царствования императора Александра было ознаменовано самыми блестящими надеждами для благосостояния России. Дворянство отдохнуло, купечество не жаловалось на кредит, войска служили без труда, ученые учились, чему хотели; все говорили, что думали, и все по многому хорошему ждали еще лучшего. К несчастию, обстоятельства до того не допустили, и надежды состарелись без исполнения. Неудачная война 1807 г. и другие многостоящие расстроили финансы, но того еще не замечали в приготовлениях к войне отечественной. Наконец, Наполеон вторгся в Россию, и тогда-то народ русский впервые ощутил свою силу; тогда-то пробудилось во всех сердцах чувство независимости, сперва политической, а впоследствии и народной. Вот начало свободомыслия в России. Правительство само произнесло слова: «свобода», «освобождение». Само рассевало сочинения о злоупотреблении неограниченной власти Наполеона, и клик Русского Монарха огласил берега Рейна и Сены. Еще война длилась, когда ратники, возвратясь в домы, первые разнесли ропот в классе народа: «Мы проливали кровь, говорили они, а нас опять заставляют потеть на барщине. Мы избавили родину от тирана, а нас

опять тиранят господа». Войска от генералов до солдат, пришедши назад, только и толковали, как хорошо в чужих землях. Сравнение со своим, естественно, произвело вопрос, почему же не так у нас? Сначала, покуда говорили о том беспрепятственно, это расходилось на ветер, ибо ум, как порох, опасен только сжатый. Луч надежды, что государь император даст конституцию, как он то упомянул при открытии сейма в Варшаве, и попытка некоторых генералов освободить рабов своих еще ласкали многих. Но с 1817 г. все переменилось. Люди, видевшие худое или желавшие лучшего, от множества шпионов принуждены были разговаривать скрытно, и вот начало тайных обществ. Притеснение начальством заслуженных офицеров разгорячило умы. Тогда-то стали говорить военные: «Для того ли мы освободили Европу, чтобы наложить ее цепи на себя. Для того ли дали конституцию Франции, чтобы не сметь говорить о ней, и купили кровью первенство между народами, чтобы нас унижали дома». Уничтожение нормальных школ и гонение на просвещение заставило думать, в безнадежности, о важнейших мерах. А как ропот народа, от истощения и злоупотребления земских и гражданских властей происшедший, грозил кровавою революцией, то общества вознамерились отвратить меньшим злом большее и начать свои действия при первом удобном случае. Теперь я опишу положение, в каком видели мы Россию.

Войска Наполеона, как саранча, оставили за собой надолго семена разрушения. Многие губернии обнищали, и правительство медлительными мерами или скудным способом дало им вовсе погибнуть. Дожди и засухи голодили другие края. Устройство непрочных дорог занимало руки трети России, а хлеб гнил на корню. Злоупотребления исправников стали заметнее обедневшим крестьянам.

О притеснениях земских чиновников можно написать книгу. Малейший распорядок свыше дает им повод к тысяче насилий или взяток. То сберут крестьян в сенокос или жатву и месяц ничего не делают. То дадут сделать и потом ломают, говоря, что это не по форме. Назначают на работу ближних в даль и наоборот, чтобы взять за увольнение несколько рублей с брата. Да и кроме того, сбирают прибавочные налоги, без всякого вида, так что с души сходит

втрое противу указанных податей и пр. А угнетение дворян чувствительнее, потому что они стали понимать права людей.

Поведение русских дворян в этом отношении ужасно. Негры на плантациях счастливее многих помещичьих крестьян. Продавать в розницу семьи, похитить невинность, развратить жен крестьянских—считается ни во что и делается явно. Не говорю уже о барщине и оброках, но есть изверги, которые раздают борзых щенков для выкормления грудью крестьянок. К счастию человечества, такие примеры не часты, но к стыду оного они существуют.

Запрещение винокурения отняло во многих губерниях все средства к сбытию семян, а размножение питейных домов испортило нравственность и разорило крестьянский быт. Поселения парализировали не только умы и все промыслы тех мест, где устроились, и навели ужас на остальные. Частые переходы полков безмерно тяготили напутных жителей; редкость денег привела крестьян в неоплатные недоимки—одним словом, все они вздыхали о прежних годах, все роптали на настоящее, все жаждали лучшего до того, что пустой слух, что будто даются места на Аму-Дарье, влек тысячи жителей Украины, куда, не знали сами. Целые селения снимались и бродили на угад, и многочисленные возмущения барщин ознаменовали 3 последние года царствования Александра.

Мещане, класс почтенный и значительный во всех других государствах, у нас ничтожен, беден, обременен повинностями, лишен средств к пропитанию. В других нациях они населяют города, у нас же, как города существуют только на карте. Отчего города наши пустеют, решить не трудно. Нижние инстанции не имеют решительного голоса, а тяжущиеся едут в столицу. По сей же причине лучшее дворянство уклоняется от неуваженных должностей и за крестами спешит ничего не делать в какой-нибудь министерской канцелярии. На кого же там работать ремесленнику, да и кому. Ибо дворянство наше держит доморощенных мастеровых, занимаясь щепетильною перепродажею. Упадок торговли отразился на них сильнее по их бедности, ибо они зависят от купцов, как мелкие торгаши, или как работники на фабриках.

Купечество, стесненное гильдиями и затрудненное в путях доставки, потерпело важный урон с 1812 г. Многие колоссальные фортуны погибли, другие расстроились. Дела с казною разорили множество купцов и подрядчиков, а с ними их клиентов и верителей, затяжкою в уплате, учетами и неправыми прижимками в приеме. Лихоимство проникло всюду. Разврат мнения дал силу потачки вексельному учету. Злостные банкруты умножились и доверие упало. Шаткость тарифа привела в нищету многих фабрикантов и испугала других, и вывела правительство наше из веры, равно у своих, как и у чужеземных негоциантов. Следствием сего был еще больший упадок нашего курса (т.-е. внешнего кредита), от государственных долгов происшедший, и всеобщая жалоба, что нет наличных. Запретительная система, обогащая контрабандистов, не поднимала цены на наши изделия, и, следуя моде, все платили в тридорога за так называемые конфискованные товары. Наконец, указ, чтобы мещане и мелкие торговцы или записывались в полиции, или платили бы налог, нанес бы решительный удар торговле, и удержание исполнения не удержало бы от ропота их. Впрочем, и без того упадок торговли был столь велик, что на главных ярмонках и в портах мена и отпуск за границу уменьшились третью. Купцы еще справедливо жаловались на иностранцев, особенно англичан, которые, вопреки уставу (им позволено только заниматься оптовой куплею, не вступаясь в мелкие сделки), имеют по селам своих агентов и скупая в первые руки сырые произведения для вывоза за границу, лишают тем мелких торговцев промысла, а государство—обращения капиталов.

Дворянство было тоже недовольно за худой сбыт своих произведений, дороговизну предметов роскоши и долготою судопроизводства. Оно разделяется на 3 разряда: на просвещенных, из которых большая часть составляет знать, на грамотных, которые или мучат других, как судьи, или сами таскаются по тяжбам, и, наконец, на невежд, которые живут по деревням, служат церковными старостами, или уже в отставке, послужив бог знает как в полевых. Из них мелкопоместные составляют язву России; всегда виноватые и всегда ропщущие и желая жить не по

достатку, а по претензиям своим, мучат бедных крестьян своих нещадно. Прочие разоряются на охоту, на столичную жизнь или от тяжб. Наибольшая часть лучшего дворянства, служа в военной службе или в столицах, требующих роскоши, доверяют хозяйство наемникам, которые обирают крестьян, обманывают господ, и таким образом $^{9}/_{10}$ имений в России расстроено и в закладе. Духовенство сельское в жалком состоянии. Не имея никакого оклада, оно вовсе предано милости крестьян и оттого, принужденное угождать им, впадало само в пороки, для удаления коих учреждено. Между тем, как сельское нищенствовало в неуважении, указ об одеждах жен священнических, привел в волнение и неудовольствие богатое городское духовенство.

Солдаты роптали на истому учениями, чисткою, караулами; офицеры на скудость жалованья и непомерную строгость. Матросы на черную работу, удвоенную по злоупотреблению, морские офицеры на бездействие. Люди с дарованиями жаловались, что им заграждали дорогу по службе, требуя лишь безмолвной покорности; ученые на то, что им не дают учить, молодежь на препятствия в ученьи. Словом, во всех углах виделись недовольные лица; на улицах пожимали плечами, везде шептались—все говорили, к чему это приведет. Все элементы были в брожении. Одно лишь правительство беззаботно дремало над вулканом, одни судебные места блаженствовали, ибо только для них Россия была обетованной землей. Лихоимство их взошло до неслыханной степени бесстыдства. Писаря заводили лошадей, повытчики покупали деревни, и только возвышение цены взяток отличало вышние места, так что в столице под глазами блюстителей производился явный торг правосудием. Хорошо еще платить бы за дело, а то брали, водили и ничего не делали. Вашему Императорскому Величеству, вероятно, известны теперь сии злоупотребления, но их скрыли от покойного императора. Прибыльные места продавались по таксе и были обложены оброком. Центральность судебных мест, привлекая каждую безделицу кверху, способствовала апелляциям, справкам, пересудам, и десятки лет проходили прежде решения, т.-е. разорения обоих сторон. Одним словом, в казне, в судах, в комиссариатах, у губернаторов, у генерал-губернаторов, везде, где замешался инте-

рес, кто мог, тот грабил, кто не смел, тот крал. Везде честные люди страдали, а ябедники и плуты радовались.

Вам, Государь, уже сведомо, как, воспламененные таким положением России и видя все элементы готовые к перемене, решились мы произвести переворот. Теперь осмелюсь изложить перед Вашим Величеством, что мы, делая сие, думали основываться вообще на правах народных, и в особенности на затерянных русских. Но кроме того, Батенков и я говорили, что мы имеем в это время (т.-е. около 14 декабря) на то политическое право, как в чистое междуцарствие. Ибо Ваше Величество отреклись от короны, а мы знали, что отречение Государя Цесаревича уже здесь. Ошибка наша состояла в том, что мы не знали о назначении Вашего Величества Наследником престола. Притом же Вы, Государь, ожидая признания от Совета и Сената, некоторым образом признавали верховность народа, ибо правительство (без Самодержца) есть ни что иное, как верхняя оного часть. Следовательно, мы, действуя в лице народа, шли на противу Вашего Величества, но только для препятствования Сенату и Совету признавать иное, а не ваше назначение. Отрицая же право народа во время междуцарствия избирать себе правителя или правительство, приводилось бы в сомнение самое возведение царствующей Династии на престол России. Далее, правительница Анна, опершись на желание народа, изорвала свое обязательство. Великая Екатерина повела гвардию и толпу, ее провозгласившую, противу Петра III. Оне обе на челе народа шли противу Правительства,—неужели же право бывает только на стороне удачи? Политика, устраняя лица, смотрит только на факты. Мы же от одной присяги были уволены, а другой не принимали. Вашему Величеству легко будет усмотреть шаткость сего предположения, но в то время я был уверен в правоте оного и действовал в том убеждении.

Вот мечты наши о будущем. Мы думали учредить Сенат из старейших и умнейших голов Русских, в который надеялись привлечь всех важных людей нынешнего правления, ибо полагали, что власть и честолюбие всегда имели бы свою приманку. Палату же представителей составить по выбору народа изо всех состояний. Как неоспоримо, что общего мнения установить или дать ему силу нельзя, как

связав оное с интересом каждого, то на сем правиле основывали мы бескорыстие судей. Каждая инстанция имела бы у нас свой беспереносный круг действия; при том тяжущиеся могли бы избирать по произволу из известного числа судей любого, так что честь и выгода заставила бы их друг перед другом быть правдивее, а публичность судопроизводства, ограничение срока оного и свобода книгопечатания обличала бы нерадивых или криводушных. Для просвещения нижних классов народа хотели повсеместно завести ланкастерские школы. А чтобы поправить его нравственность,— то возвысить белое духовенство, дав оному способы к жизни. Увольнение почти всех земских повинностей, свобода винокурения и улучшение казенными средствами дорог между бедными и богатыми хлебом местами, поощрение земледелия и вообще покровительство промышленности привело бы в довольство крестьян. Обеспечение и постоянство прав привлекло бы в Россию множество производительных иноземцев. Фабрики бы умножились с возрастением запроса на искусственные произведения, а соревнование поощрило бы их усовершенствование, которое возвышается наравне с благосостоянием народа, ибо нужды на предметы довольства жизни и роскоши беспрестанны. Капиталы, застоявшиеся в Англии, заверенные в несомненности прибытка на многие годы вперед, полились бы в Россию, ибо в сем новом переработанном мире они выгоднее могли быть употреблены, чем в Ост-Индии или Америке. Устранение или, по крайней мере, ограничение запретительной системы и устройство путей сообщения не там, где легче, как было прежде, а там, где необходимее. Зачем например, существует Северный канал, в котором в год плывет по две лодки? Зачем преднамерен Кубинский? Чем нам торговать с полюсом? Для чего начат Сестринский? Ибо удобовозимые гужом предметы роскоши, из Петербурга в Москву посылаемые, не есть главная необходимость жизни, равно как заведение казенного купеческого флота, дабы не платить чужеземцам дорогого фрахта за свои произведения и обратить транзитную торговлю в русские руки, дало бы цвести торговле, сей, так сказать, мышце силы государственной. Финансы же поправить уменьшением в треть армии и вообще всех платных и ненужных чиновников.

Что же касается до внешней политики, то действовать открыто, жить со всеми в мире, не мешаясь в чужие дела и не позволяя вступаться в свои, не слушать толков, не бояться угроз, ибо Россия самобытна и может обойтись на случай разрыва без пособия постороннего. В ней заключается целый мир, да и торговые выгоды других наций никогда не допустили бы ее в чем-либо нуждаться. Я умалчиваю о прочем, уже известном Вашему Величеству или из конституции Никиты Муравьева, которая, однако же, была ни что иное, как опыт, или из показаний прочих членов.

Что же касается, собственно, до меня, то быв на словах ультра-либералом, дабы выиграть доверие товарищей, я внутренно склонялся к Монархии, аристократией умеренной. Желая блага отечеству, признаюсь, не был я чужд честолюбия. И вот почему соглашался я на мнение Батенкова, что хорошо бы было возвести на престол Александра Николаевича. Льстя мне, Батенков говорил, что как исторический дворянин и человек, участвовавший в перевороте, я могу надеяться попасть в правительную аристократию, которая при малолетнем Царе произведет постепенное освобождение России. Но как мы оба видели препятствия в особе Вашего Величества—истребить же Вас, Государь, по чести, никогда не входило мне в голову, то в решительные минуты обратился я мыслию к Государю Цесаревичу, считая это легчайшим средством к примирению всех партий и делом, более ласкавшим мое самолюбие, ибо я считал себя, конечно, не хуже Орловых, времен Екатерины II. В прения думы почти не вступался, ибо знал, что дело сильнее пустых споров, и признаюсь Вашему Величеству, что если бы присоединился к нам Измайловский полк, я бы принял команду и решился на попытку атаки, которой в голове моей вертелся уже и план. Впрочем, если б не роковое 14 число, я бы пристал к совету Батенкова (человека изо всех нас с здравейшей головой), чтобы итти вперед и, став на важные места в правлении, понемногу производить перемену или властию, заимствованною от Престола, или своими мнениями, в других введенными. Мы уже и хотели это сделать в отношении к Государю Цесаревичу, разговаривая о сем предмете у Его Королевского Высочества, герцога Виртембергского.

Проект манифеста,

найденный в бумагах князя С. П. Трубецкого.

В манифесте Сената об'является:

1. Уничтожение бывшего правления.

2. Учреждение временного до установления постоянного выборными.

3. Свободное тиснение, и потому уничтожение цензуры.

4. Свободное управление богослужения всем верам.

5. Уничтожение права собственности, распространяющееся на людей.

6. Равенство всех сословий перед законом, и потому уничтожение военных судов и всякого рода судных комиссий, из коих все дела судные поступают в ведомство ближайших судов гражданских.

7. Об'явление права всякому гражданину заниматься, чем он хочет, и потому дворянин, купец, мещанин, крестьянин—все равно имеют право вступать в воинскую и гражданскую службу, и в духовное звание, торговать оптом и в розницу, платя установленные повинности для торгов. Приобретать всякого рода собственность, как-то: земли, дома в деревнях и городах. Заключать всякого рода условия между собой, тягаться друг с другом пред судом.

8. Сложение подушных податей и недоимок по оным.

9. Уничтожение монополии, как-то: на соль, на продажу горячего вина и проч. и потому учреждение свободного винокурения и добывание соли, с уплатою за промышленность с количества добывания соли и водки.

10. Уничтожение рекрутства и военных поселений.

11. Убавление срока службы военных для нижних чинов, но определение оного последует по уравнении воинской повинности между всеми сословиями.

12. Отставка всех без из'ятия нижних чинов, прослуживших 15 лет.

13. Учреждение волостных, уездных, губернских и областных правлений, о порядке выборов членов сих правлений, кои должны заменить всех чиновников, доселе от гражданского правительства назначаемых.

14. Гласность судов.

15. Введение присяжных в суда уголовные и гражданские. Учреждает Правление из двух или трех лиц, которому подчинит все части высшего управления, т.-е. все Министерства, Совет, Комитет Министров, армии, флота, словом, всю верховную исполнительную власть, но отнюдь не законодательную и не судную. Для сей последней остается Министерство, подчиненное временному Правлению, но для суждения не решенных в нижних инстанциях остается департамент Совета уголовный и учреждается департамент гражданский, кои решают окончательно, и члены коих останутся до учреждения постоянного правления.

Временному правлению поручается приведение в исполнение:

1. Уравнение прав всех сословий.

2. Образование местных волостных, уездных, губернских и областных правлений.

3. Образование внутренней народной стражи.

4. Образование Судной части с присяжными.

5. Уравнение рекрутской повинности между всеми сословиями.

6. Уничтожение постоянной армии.

7. Учреждение порядка избрания выборных в палату представителей народных, кои долженствуют утвердить на будущее время имеющий существовать порядок правления и государственное законоположение.

Конституция

сочинения Никиты Муравьева.

(*Написанная его рукою в каземате крепости и представленная при ответах*).

Донесения Высочайше утвержденному Комитету, от капитана Муравьева.

В донесении моем на 16 пункт запроса, сделанного мне января 5-го дня, я из'яснился уже, что не будучи в состоянии представить писанного мною проекта конституции совершенно в том виде, в каком оный был написан, сохраняю дух оного и содержание. Вследствие сего имею честь оную здесь представить.

Предполагаемый мною Конституционный Устав.

О России вообще.

Образ Правления ее монархической, представительной, одинаковой для всех частей ее.

Разделение оной. Основным разделением принимаются Уезды, которые соединяются в Области, равные нынешним Генерал-Губернаторствам. Уезды составлены из городов и волостей, которые делятся на сотни и на десятки домов или дворов.

Столица предполагалась в Москве, коей губерния составила бы округ, независимый от областей.

Об обязанностях и правах жителей.

Все русские подчинены одним и тем же законам без различия состояний, обязаны участвовать в выборах, если ответствуют условиям, требуемым законом, и не отклоняться от должностей, на которые они изберутся. Крепостное состояние отменяется. Помещичьи крестьяне получают в свою собственность дворы, в которых они живут, скот и земледельческие орудия, в оных находящиеся, и по две десятины земли на каждый двор для оседлости их земли, или они обрабатывают по договорам обоюдным, которые они заключат с владельцами оных. Они получают право приобретать землю в потомственное владение.

Все жители, какого бы они состояния ни были (если они не порочны перед законом, пользуются здравием ума, совершеннолетия и не находятся в услужении при ком-либо), имеющие движимого или недвижимого имения на 500 серебряных рублей, составляют класс избирателей и присяжных. Гражданские чины и классы отменяются.

За долги всякий ответствует своею личностью и заключается в тюрьму. Служба не освобождает от заключения за долги.

Заключенные за легкие проступки или долги и несовершеннолетние не должны находиться вместе с преступниками: обвиненные с обличенными.

Подушный оклад распространяется на всех жителей. Оный платится только с 18 лет возраста и прекращается на 60-м году.

В мирное время безденежный постой войск и взимание подвод возбраняются.

Цехи мещанские и гильдии в купечестве отменяются. Книги подвергаются обвинению в обыкновенных судилищах при Присяжных.

Об Императоре.

Лицо Императора священно и неприкосновенно. Он не подлежит суждению. Он облечен всею Верховною Исполнительною Властью. Он Верховный Начальник всей сухопутной и морской силы, назначает и отменяет по своему произволу министров, главнокомандующих армиями и флотами и всех чиновников Исполнительной власти, — представляет Россию во всех ее сношениях с иностранными державами, назначает посланников и ведет переговоры.

Имеет право созывать по своему произволу обе палаты Народного Веча и отсрочивать их заседания, но не более как на три месяца. Он предлагает Народному Вечу проекты законов, принуждает его ко вторичному рассмотрению принятого или отвергнутого им предложения. В случае суда он имеет власть созвать Верховную Думу отдельно. Он заключает миры и трактаты с согласия одной Верховной Думы.

Император дает грамоты и назначения всем сановникам Империи. Его изображение чеканится на монетах. Он пользуется определенным на все его царствование доходом. Женщины не наследуют престола. Министерств полагается четыре: Финансов, Иностранных Дел, Военное и Морское.

Министры ответствуют за всякое противузаконное веление ими подписанное.

Законодательная власть вверяется Народному Вечу, составленному из двух палат: Верховной Думы и Палаты Представителей.

Верховная Дума.

Члены оной должны быть не моложе 30 лет и владеть движимым или недвижимым имением ценою не менее 60,000 серебряных рублей. Они избираются Областными палатами

на 6 лет, от каждой области на **три**. Итак, состояла бы из 45 членов.

Дума возобновляется каждые два года по третям.

Дума участвует в заключении мирных трактатов и ей одной Министерство Иностранных Дел сообщает свои сношения. Трактат, на который она согласилась, пребывает непоколебимым. Ей принадлежит суд над министрами и вообще сановниками Империи, обвиненными палатою представителей, но власть ее судная ограничивается тем, что она имеет право лишить судимого его политического звания, после чего он уже не подлежит Думе, а поступает в обыкновенные судилища и получает присяжных. Верховная Дума наравне с Палатою Представителей представляет законы и отвергает уже предложенные на рассмотрение, если их не одабривают.

Палата представителей.

Каждые 50,000 жителей мужского пола посылают в оную одного представителя, что составит около 450 членов. Они избираются на 2 года.

Условия, чтобы быть представителем: совершеннолетие, здравие ума, непорочность перед законом и доверие избирателей. Чиновники, находящиеся на службе, не могут быть избраны ни в ту, ни в другую палату,—равно как и все те, которые приняли на себя казенные подряды и не очистили дел своих по оным. Обвинение чиновников предоставлено палате представителей.

Народное Вече собирается, по крайней мере, два раза в продолжение каждого **двухлетия**. Продолжение сих с’ездов неопределенно, но зависит от большего или меньшего числа занятий. Обе палаты от времени до времени печатают журнал своих заседаний, кроме того, что положено будет оставить тайным. Заседания обоих палат происходят при открытых дверях. В Верховной Думе по соглашению 5 членов, а в Палате Представителей по соглашению 50, происходят тайные заседания. По востребованию Императора, всегда бывает тайное совещание в обоих палатах. Когда Дума рассуждает о дипломатических сношениях и трактатах, то ее заседание всегда должно быть тайным. Народное Вече имеет право распу-

стить областные палаты, преступившие пределы своей власти и повелеть избирателям приступить к новым выборам. Члены Народного Веча получают денежное вознаграждение за всякий день, в который они заседали в палате, равномерно на путевые издержки в столицу и обратно к себе.

О составлении законов. Власть предлагать законы имеют министры и члены обоих палат. Вход в Народное Вече кроме министров имеют еще особенно на то определенные чиновники от каждого департамента Министерств для доставления сведений и ответов членам Веча.

Закон принимается или отвергается большинством голосов. Ежели Император не согласится на какой-либо закон, то он возвращает его с своими возражениями в ту палату, в которой возник сей закон. Замечания сии вписываются в протокол Палаты без сокращений и возобновляется прение. Имена всех членов, противящихся или согласившихся на сей закон, записываются в журнал и $^2/_3$ голосов необходимы для решения сего прения. После того предложенный закон поступает в другую Палату, где подлежит таковому же испытанию. Если же проект при вторичном рассмотрении оного принят двумя третями голосов всего Веча, то он становится законом. Об'явление войны по предложению министров принадлежит Вечу. Вече не имеет права ни уничтожить сего устава, ни даже делать в оном изменений. Право сие принадлежит Народному и областным Соборам, на сей единственный предмет собираемым.

Судная власть.

Пределы оной. Никакой судья и никакое судилище не имеет права толковать Закон, ни решать случаи, им непредвиденные,—одним словом, не может присвоить себе Законодательной власти. Исполнительная власть, надзирательная или полицейская, хозяйственная или административная отделены также от судной. Равным образом, судилище или судья не должен никого обвинять, но действует только вследствие жалобы или обвинения. Всякое судилище или судья, преступивший сии пределы, подвергается взысканию. С другой стороны, устав сей не признавал так называемого

Полицейского суда за малые проступки и предоставлял полиции, уездным, городовым и волостным правлениям только право задерживать виновных и предавать их суду, от которого уже зависели также и исправительные наказания. Каждая область составляла в судебном отношении отдельное целое, подразделенное на Присуды, равные нынешним губерниям.

Местное судилище.

Областное управление. Для каждой области избирается Народным Вечем из числа кандидатов, представленных Областными Палатами, Правитель Областной на четыре года. Правитель должен быть из числа владельцев в той области, и иметь имения ценою не менее 60,000 серебряных рублей, не моложе 30 лет. При нем назначается наместник, который должен ответствовать тем же условиям и заменяет его в случае кратковременного отсутствия, не вступая однако ж в права его. В случае же смерти Правителя он заменяет его совершенно.

При Правителе находится Совет, который не должен иметь менее 3 и более 9 членов.

Советники и наместник избираются Областными Палатами из числа областных жителей. Советники должны владеть имением не менее 15,000 сер. рублей.

В кратковременные отсутствия Правителя, Управление Области поручается Совету, под председательством Наместника Правителя, который не имеет голоса, кроме в случае равного разделения оных.

Правитель имеет право отсрочить заседание Палат, но не более как на три месяца, и созвать оные, когда они распущены; в случае возмущения, неприятельского нашествия или заразительной болезни созвать Палаты в другом городе; все чиновники Министерств или Исполнительной власти, пребывающие в Области, находятся под надзором Правителя. Все же чиновники Областного Управления и все чиновники Благочиния состоят в ведении его и под его властью.

Когда Правитель лично присутствует, то Советники имеют только совещательный голос. Но каждый из них

имеет право требовать, чтобы голос его был вписан в журнал без всякого сокращения и чтобы в оном поименно были означены, кто с ним соглашался и кто был противного мнения. Обе Областные Палаты имеют право требовать, когда им заблагорассудится, журнал Совета, для соображений.

Областные палаты.

В каждой области должны находиться две Палаты, *Областная Дума* и *Палата Выборных*.

Палата Выборных состоит из Депутатов, выбранных обыкновенными *избирателями*, на каждые 10,000 душ мужского пола по одному выборному.

Областная Дума в населенных областях должна быть не более *трети* палаты выборных, а в малонаселенных не более *половины*.

Условия, чтобы быть членом Областной Думы, суть те же, которые требуются от Областного судьи. Выборные назначаются на год, члены Думы — на четыре и каждый год четвертая часть оной возобновляется новыми выборами. Дела Министерств Внутренних дел и Просвещения, равным образом занятия Департамента Путей Сообщения поступают в особое ведомство сих Палат. Они обязаны во всем соображаться с общими законами Империи, но имеют право делать частные постановления по предметам внутреннего Управления и учреждать для сего налоги при определенных законодательной властью ограничениях.

Палаты не могут преступать пределов, оным начертанных, в противном случае Вече имеет власть их распустить. Палаты не могут оставаться в краю, возмущенном или занятом неприятелем. В таком случае они теряют свою законность и каждый из членов оных подвергается личной ответственности. Палата выборных пользуется правом *обвинять* областных чиновников; суд же оных предоставляется Думе.

Изменения устава.

Если б нашлась необходимость изменить, усовершенствовать или вовсе отменить сей устав, то Народное Вече об'являет сие посредством обыкновенного закона и созывает

в столице или в другом в каком-либо городе на сей предмет Народный Собор.

Члены оного должны быть равны числом членам Народного Веча и назначаются теми же избирателями. Народный Собор не имеет никакой власти и должен только заниматься порученною ему работою. Рассуждения его происходят гласно и печатаются. Все решится в оном $^{2}/_{3}$ голосов. Шесть месяцев определяются для приведения к окончанию его поручения. По окончании оного Народный Собор распускается и Председатель оного доносит о том Вечу, препровождая при том проект Собора, который немедленно печатается.

После того другой закон назначает Областные Соборы для обсуждения, изменения или отвержения проекта Устава, сочиненного Народным Собором. Каждая область назначает в Собор свое двойное число депутатов противу того, которое она имела в Народном Соборе. Областные Соборы созываются все в один и тот же день. Им назначается срок, к которому они должны решительно принять или отвергнуть предлагаемый им устав, и они должны разойтись все в один и тот же день. Они не имеют уже права делать новые соображения, но должны только принять или отвергнуть проект Народного Собора. Для сего нужны $^{2}/_{3}$ голосов в каждом Областном Соборе.

Так как народонаселение областей весьма не равно, то для принятия или отвержения Нового Устава считаются не Соборы, но $^{2}/_{3}$ голосов наличных членов, заседавших в оных.

После того Новый Устав приводится уже в исполнение или остается старый.

Православный катехизис Муравьева-Апостола.

Капитан Муравьев.

Во имя отца и сына и святого духа.

Вопрос.—Для чего бог создал человека?

Ответ.—Для того, чтоб он в него веровал, был свободен и счастлив.

Вопрос.—Что значит веровать в бога?

Ответ.—Бог наш Иисус Христос, сошедши на землю для спасения нас, оставил нам святое свое евангелие. Ве-

ровать в бога, значит, следовать во всем истинному смыслу начертанных в нем заповедей.

Вопрос.—Что значит быть свободным и счастливым?

Ответ.—Без свободы нет счастия. Святой Апостол Павел говорит: ценою крови куплены есте, не будете рабы человеков.

Вопрос.—Для чего же русский народ и русское воинство несчастно?

Ответ.—От того, что цари похитили у них свободу.

Вопрос.—Стало быть, цари поступают вопреки воле божией?

Ответ.—Да, конечно, бог наш рек: Болий в вас да будет вам слуга, а цари тиранят только народ.

Вопрос.—Должны ли повиноваться царям, когда они поступают вопреки воле божией?

Ответ.—Нет. Христос сказал: не можете богу работати и мамоне; от того-то Русский народ и русское воинство страдают, что покоряются царям.

Вопрос.—Что ж святой закон наш повелевает делать Русскому народу и воинству?

Ответ.—Раскаяться в долгом раболепствии и, ополчась против тиранства и несчастия, поклясться: да будет всем един царь на небеси и на земли—Иисус Христос.

Вопрос.—Что может удержать от исполнения святого сего подвига?

Ответ.—Ничто. Те, кои воспротивятся святому подвигу сему, суть предатели, богоотступники, продавшие души свои нечестию, и горе им, лицемерам, яко страшное наказание божие постигнет их на сем свете и на том.

Вопрос.—Каким же образом ополчиться всем чистым сердцем?

Ответ.—Взять орудие и следовать за глаголющим во имя господне, помня слова спасителя нашего: Блажени алчущие и жаждущие правды, яко те насытятся, и низложив неправду и нечестие тиранства, восстановить правление, сходное с законом божием.

Вопрос.—Какое правление сходно с законом божием?

Ответ.—Такое, где нет царей. Бог создал всех нас равными и, сошедши на землю, избрал апостолов из простого народа, а не из знатных и царей.

Вопрос:— Стало быть, бог не любит царей?

Ответ.—Нет. Они прокляты суть от него, яко притеснители народа, а бог есть человеколюбец. Да прочтет каждый желающий знать суд божий о царях, книги Царств главу 8-ю: собрашася мужи израилевы и придоша к Самуилу и рекоша ему: ныне постави над нами царя, да судит ны; и бысть лукав глагол сей пред очима Самуиловыма, и помолился Самуил ко Господу, и рече Господь Самуилу: послушай ныне гласу людей, якоже глаголят тебе, яко ни тебе уничтожиша, но Мене уничтожиша, яж не царствовати Ми над ними, но возвестиши им правду Цареву. И рече Самуил вся словеса Господня к людям, просящим от него царя, и глагола им: сие будет правда царева: сыны ваши возмет и дщери ваши возмет и земли ваши одесятствует, и вы будете ему раби и возопиите в день он от лица Царя вашего, его же избрасте себе, и не услышит вас Господь в день он, яко вы сами избрасте себе Царя... и так избрание царей противно воле божией, яко един наш царь должен быть Иисус Христос.

Вопрос.— Стало, и присяга царям богопротивна?

Ответ.—Да, богопротивна. Цари предписывают принужденные присяги народу для губернии его, не призывая всуе имени господня; господь же наш Иисус Христос изрек: аз же глаголю вам, не клянитеся всяко, и так всякая присяга человеку противна богу, яко надлежащей ему единому.

Вопрос.— Отчего упоминают о царях в церквах?

Ответ.—От нечестивого приказания их самих, для обмана народа, и ежечасным повторением царских имен оскверняют они службу божию вопреки спасителева веления: молящие не меньше глаголят, якоже язычники.

Вопрос.—Что же, наконец, подобает делать христолюбивому Российскому воинству?

Ответ.— Для освобождения страждующих семейств своих и родины своей и для исполнения святого закона христианского, помолясь теплою надеждою богу, поборающему по правде и видимо покровительствующему уповающим твердо на него, ополчиться всем вместе против тиранства и восстановить веру и свободу в России.

Воззвание.

Бог умилосердился над Россией, послал смерть тирану нашему. Христос рек: не будьте рабами человека, яко искуплены кровью моею. Мир не внял святому повелению сему и пал в бездну бедствий. Но страданья наши тронули Всевышнего. Днесь он посылает нам свободу и спасенье. Братья, раскаемся в долгом раболепствии нашем и поклянемся: да будет нам един царь на небеси и на земли Иисус Христос.

Все бедствия Русского народа пристекали от самовластного правления. Оно рушилось. Смертию тирана бог знаменовывает волю свою, дабы мы сбросили с себя узы рабства, противные закону христианскому. Отныне Россия свободна. Но как истинные сыны церкви, не покусимся ни на какие злодеяния, и без распрей междуусобных, установим правление народное, основанное на законе божием, гласящем: да первый из вас послужит вам.

Российское воинство грядет восстановить правление народное, основанное на святом законе. Никаких злодейств учинено не будет. И так, да благочестивый народ наш пребудет в мире и спокойствии, и умоляет всевышнего о скорейшем свершении святого дела нашего.

Служители алтарей, доныне оставленные в нищете и презрении злочестивым тираном нашим, молят о нас, восстанавливающих во всем блеске храмы господни.

Как работала тайная следственная комиссия по делу 14 декабря[1]).

«События 14 декабря 1825 г., сопровождавшие восшествие на престол ныне царствующего императора, обнаружили существование и действие тайного политического союза, учрежденного с целью ограничить самодержавие законно - свободными установлениями. Когда в Петербурге восстание было подавлено, правительство учредило тайную следственную комиссию над членами политических обществ в России, из которых тайный союз, под разными наименованиями, существовал почти 10 лет.

Следственная комиссия приступила к розысканиям. Множество лиц было захвачено в Петербурге по подозрению в

[1]) Из дневника Фонвизина.

участии в тайных обществах; других свозили в крепость Петропавловскую со всех концов России. Сначала некоторых допрашивал во дворце сам император; к нему приводили обвиняемых с связанными руками, как в полицейскую управу, а не в царские чертоги. Государь России, забывая свое достоинство, позволял себе ругаться над людьми беззащитными, которые были в полной его власти, и угрожал им жестокими наказаниями. Тайная следственная комиссия, составленная из угодливых царедворцев, действовала в том же инквизиционном духе.

Обвиняемые содержались в самом строгом заточении, в крепостных казематах и беспрестанном ожидании и страхе быть подвергнутыми пытке, если будут упорствовать в запирательстве. Многие из них слышали из уст самих членов следственной комиссии такие угрозы. Против узников употребляли средства, которые поражали их воображение и тревожили дух, раздражая его то страхом мучений, то обманчивыми надеждами, чтобы только исторгнуть их признание. Ночью внезапно отпиралась дверь каземата; на голову заключенного накидывали покрывало и вели его по коридорам и по крепостным переходам в ярко освещенную залу присутствия. Тут, по снятии с него покрывала, члены комиссии делали ему вопросы на жизнь и смерть и, не давая времени образумиться, с грубостью требовали ответов мгновенных и положительных; царским именем обещали подсудимому помилование за чистосердечное признание, не принимали никаких оправданий, выдумывали небывалые показания, будто бы сделанные товарищами, и часто отказывали (даже) в очных ставках. Кто не давал желаемых ими ответов, по неведению ли происшествий, о которых его спрашивали, или из опасения необдуманным словом погубить безвинных, того переводили в темный и сырой каземат, давали есть один хлеб с водою и обременяли тяжкими ручными и ножными оковами. Медику крепостному поручено было наблюдать, в состоянии ли узник вынести еще сильнейшие телесные страдания.

После того, могли ли признания обвиняемых, вынужденные такими насильственными средствами, почитаться добровольными? Часто они были не истинны и показания некоторых обвиняемых, упавших духом, содержали в себе вещи

несбыточные и до того нелепые, что человек в здравом уме и с полным сознанием никак не мог бы наговорить такого вздору и во вред самому себе и (другим) товарищам. Все такие порождения расстроенной фантазии некоторых из узников представлены, как истинные намерения и действия в донесении тайной следственной комиссии. Редактор этого акта воспользовался ими довольно ловко и успел придать вид внутренней связи (вероятности) этому сплетению искаженной истины с небылицами и ложью, не только для обвинения подсудимых, но и для того, чтобы всячески очернить нравственный характер тайного союза и самую чистоту его намерений.

Из членов тайной следственной комиссии всех пристрастнее и недобросовестнее поступал бывший после военным министром князь Чернышев: допрашивая подсудимых, он приходил в яростное исступление, осыпал их самыми пошлыми ругательствами.

В последние недели заседаний следственной комиссии набралось так много подозреваемых в участии в тайных обществах лиц, что само правительство приказало комиссии ограничиться в своих розысках только теми, которых она признавала более виновными, а прочих освободить от следствия. В продолжение 6 месяцев арестованных в разных местах по подозрению было до двух тысяч человек.

Доклад тайной следственной комиссии был единственным обвинительным актом, по которому судились все, замешанные в деле тайных обществ. В этом докладе действия многих членов представлены намеренно превратно, часто насмешливым тоном, как ребяческие шалости. Главное обвинение против большего числа членов союза (состояло) в приписывании им цареубийственных замыслов против особы Александра I, несмотря на то, что он несколько лет позже спокойно умер от болезни в Таганроге.

Выражению минутной досады или негодования, вызванному каким-нибудь непохвальным действием верховной власти, приписывали значение обдуманного намерения и считали наравне с преступлением, как бы уже сделанным. За несколько лет назад вырвавшееся в горячем разговоре нескромное слово, мысль завтра отвергнутую (и позабытую сказавшим ее), называли цареубийственным замыслом. (Тогда

как по нашим законам, всякое преступное намерение, если замышлявший его одумался и добровольно отказался привести его в исполнение, не подвергается осуждению). А здесь необдуманным разговорам, в коротких дружеских беседах, иногда за бокалами шампанского, не имевшим никаких последствий, придана важность государственного преступления.

В донесении следственной комиссии не выставлено ни одно обстоятельство, ни одно действие подсудимых, которое бы могло возбудить симпатичное участие к ним соотечественников. Сколько было показаний многих из них, в которых представлено в истинном виде тогдашнее состояние России, страдавшей под вековым гнетом самовластия. Сколько верных изображений хаотического беспорядка и в законодательстве и в администрации. Сколько уроков самому правительству для уврачевания тяжких язв, с'едающих Россию. Уничтожением крепостного рабства целой трети ее народонаселения, винных откупов, посредством которых главный государственный доход основан на развращении и раззорении народа, по несчастной страсти его к крепким напиткам, поощренной с ведома (с согласия) правительства винными откупами, до невероятности размножающими средства удовлетворять эту страсть, все эти горькие истины и многие другие откровенно и добросовестно высказаны подсудимыми и, однако, обо всем этом умолчено в донесении следственной комиссии Государю. Во всем этом политическом процессе правительство действовало с неслыханным пристрастием и как истец или тяжущаяся сторона, и, вместе с тем, как раздраженный, неумолимый судья. Какого же правосудия можно было ожидать, когда умышленно нарушались и те немногие судебные обряды и формы, которые служат для подсудимых ограждением от произвола и пристрастия предубежденных судей?

Верховный уголовный суд, основываясь на одном докладе следственной комиссии, даже не хотел призвать перед себя подсудимых и отобрать от них подтвердительные (и дополнительные) показания, которые и русские законы им предоставляют. Подсудимые видели своих судей один только раз, в день произнесения им приговора. В угождение раздраженной власти, верховный уголовный суд при-

говорил на смертную казнь пятерых—четвертованием, 27—отсечением головы, 97—к ссылке в Сибирь в каторжную работу вечно и на сроки, в Сибирь на поселение и в солдаты без выслуги и с выслугой. Император смягчил приговор верховного уголовного суда и удовольствовался только пятью обреченными на смерть, которые и были повешаны в крепостном кронверке,— прочим переломили над головами шпаги и сослали по назначению в Сибирь».

Корованный сыщик.

Допрос Рылеева Николаем I.

«Рылеев вошел.

Государь стоял на другом конце комнаты. Рылеев поклонился ему и хотел подойти.

— Стой,— сказал государь, сам подошел и положил ему руки на плечи.—Назад. Назад. Назад отодвигал его к столу, пока свечи не пришлись прямо против глаз его.—Прямо в глаза смотри. Вот так.— Повернул его лицом к свету.— Ступай, никого не принимать,— сказал Бенкендорфу.

Тот вышел.

Государь молча, долго смотрел в глаза Рылеева.

— Честные, честные. Такие не лгут.—Проговорил, как будто про себя, опять помолчал и спросил:

— Как звать?

— Рылеев.

— По имени?

— Кондратий.

— По батюшке?

— Федоров.

— Ну, Кондратий Федорович, веришь, что могу тебя простить?

Рылеев молчал. Государь приблизил лицо к лицу его, заглянул в глаза еще пристальнее и вдруг улыбнулся. «Что? Что это? Что это?»— все больше удивлялся Рылеев: что-то молящее, жалкое почудилось ему в улыбке государя.

— Бедные мы оба,— тяжко вздохнул государь.—Ненавидим, боимся друг друга. Палач и жертва. А где палач, где жертва,— не разберешь. И кто виноват? Все, а я больше всех. Ну, прости. Не хочешь, чтобы я тебя, тебя, так ты меня прости,— потянулся к нему губами.

Рылеев побледнел, зашатался.

— Сядь,— поддержал его государь и усадил в кресло.— На, выпей,— налил воды и подал стакан.

— Ну, что, лучше? Можешь говорить?

— Могу.

Рылеев хотел встать. Но государь удержал его за руку.

— Нет, сиди,— придвинул кресло и сел против него.— Слушай, Кондратий Федорович. Суди меня, как знаешь, верь или не верь, а я тебе всю правду скажу.

Тяжкое бремя возложено на меня Провидением. Одному не вынести. А я—один без помощи. Бригадный командир— и больше ничего. Ну, что я смыслю в делах? Клянусь богом, никогда не желал я царствовать и не думал о том,— и вот. Если бы ты только знал, Рылеев,— да нет, никогда не узнаешь, никто никогда не узнает, что я чувствую и чувствовать буду всю жизнь, вспоминая об этом ужасном дне,— четырнадцатом. Кровь, кровь,— весь в крови,— ни смыть, ни искупить ничем. Ведь, я же не зверь, не изверг,— я человек, Рылеев, я тоже отец. У тебя—Настенька, у меня Сашка. Царь—отец, народ—дитя. В дитя свое нож,— в Сашку, в Сашку, в Сашку!

Закрыл лицо руками. Долго не отнимал их; наконец, отнял, и опять положил их на плечи его, заглянул в глаза с улыбкой, как будто молящею.

— Видишь, я с тобой, как друг, как брат. Будь же и ты мне братом. Пожалей, помоги.

— Лжет—не лжет. Лжет—не лжет. Искушаешь, дьявол. Ну, погоди ж, и я тебя искушу,— вдруг разозлился Рылеев.

— Правду хотите знать, ваше величество? Так знайте же: свобода обольстительна, и я, распаленный ею, увлек и других. И не раскаиваюсь. Неужели тем виноват я перед человеками, что пламенно желал им блага? Но не о себе хочу говорить, а об отечестве, которое, пока не остановится биение сердца моего, будет мне дороже всех благ мира и самого неба.

Говорил, как всегда, книжно, не просто, а теперь особенно потому, что заранее обдумал всю эту речь. Вдруг вскочил, поднял руки; бледные щеки зарделись, глаза засверкали, лицо преобразилось. Сделался похож на прежнего Рылеева, бунтовщика неукротимого—весь легкий, летящий, стремительный, подобный развеваемому ветром пламени.

— Знайте, государь: пока будут люди, будет и желание свободы. Чтобы истребить в России корень свободомыслия, надо истребить целое поколение людей, кои родились и образовались в прошлое царствование. Смело говорю: из тысячи не найдется и ста не пылающих к свободе. И не только в России,— нет, все народы Европы одушевляет чувство единое, и сколь ни утеснено оно, убить его невозможно. Где, укажите страну, откройте историю,— где и когда были счастливы народы под властью самодержавия, без закона, без права, бе зчести, без совести? Злодеи вам—не мы, а те, кто унижает в ваших глазах человечество. Спросите себя самого, чтобы вы на нашем месте сделали, когда бы подобный вам человек мог играть вами, как вещью бездушною?

Государь сидел, молча, не двигаясь, облокотившись на ручку кресла, опустив голову на руку, и слушал спокойно, внимательно. А Рылеев кричал, как-будто грозил, руками размахивал; то садился, то вскакивал.

— В манифесте сказано, что царствование ваше будет продолжением Александрова. Да неужели же, неужели вы не знаете, что царствование сие было для России убийственно. Он-то и есть главный виновник четырнадцатого. Не им ли исполински двинуты умы к священным правам человечества, и потом остановлены, обращены вспять? Не им ли раздут в сердцах наших светоч свободы, и потом так жестоко свобода удавлена? Обманул Россию, обманул Европу. Сняты золотые цепи, увитые лаврами, и голые, ржавые—гнетут человечество. Вступил на престол—«Благословенный», сошел в могилу—проклятый.

— Ты все о нем, ну, а обо мне что скажешь?— спросил государь все так же спокойно.

— Что о вас? А вот что. Когда вы еще великим князем были, вас уже никто не любил, да и любить было не за что: единственные занятия—фронт и солдаты; ничего знать не

хотели, кроме устава военного, и мы это видели и страшились иметь на престоле Российском прусского полковника, или, хуже того, второго Аракчеева, злейшего. И не ошиблись: вы плохо начали, ваше величество. Как сами изволили давеча выразиться, взошли на престол через кровь своих подданных; в народ, в дитя свое вонзили нож... И вот плачете, каетесь, прощения молите. Если правду говорите, дайте России свободу,— и мы все—ваши слуги вернейшие. А если лжете, берегитесь: мы начали,— другие кончат. Кровь за кровь—на вашу голову, или вашего сына, внука, правнука. И тогда-то увидят народы, что ни один из них так не способен к восстанию, как наш. Не мечта сие, но взор мой проницает завесу времен. Я зрю сквозь целое столетие. Будет Революция в России, будет. Ну, а теперь казните, убейте...

Упал на кресло в изнеможении.

— Выпей, выпей,— опять налил государь воды в стакан.— Хочешь капель?

Сбегал за каплями, отсчитал в рюмку. Совал ему английской соли и спирта под нос. Рылеев хотел вытереть пот с лица; поискал платка, не нашел. Государь дал ему свой. Хлопотал, суетился, ухаживал. В движениях тонкого, длинного, гибкого тела была змеиная ласковость. «Сгинь, сгинь, оборотень»,— думал Рылеев с ужасом.

— Ах, боже мой! Ну, разве можно так? Ну, полно же, полно. Приляг, отдохни. Хочешь вина, чаю? Закусить, поужинать?

— Ничего не надо,— простонал Рылеев и подумал с тоскою: «Когда же это кончится, господи»!

— Можешь выслушать?— спросил государь, опять придвинул кресло, уселся, и начал:

— Ну, спасибо за правду, мой друг,— взял обе руки его и пожал крепко. Ведь, нам, государям, все лгут, в кои-то веки правду услышишь. Да, все правда, кроме одного: немцем на престоле Российском не буду. Если и был, так больше не буду. Бабка моя, императрица Екатерина, тоже немка, была, а взошла на престол и сделалась русскою. Так вот и я...—сказал по-французски, но тотчас поправился.—Мы оба с тобой русские—и я, государь, и ты—бунтовщик. Ну, скажи

на милость, разве могли бы говорить так, как мы с тобой, не русские?

Что-то, подобное бледной улыбке, промелькнуло в лице Рылеева.

— Ну, что?— заметил государь ее и тоже улыбнулся.— Говори, не бойся,—сам видишь, правды со мной бояться нечего.

— Вы очень умны, государь.

— А-а, дураком считал. Ну, вот, видишь, значит, хоть в этом ошибся. Нет, не дурак. Понимаю, что плохо в России. Я сам есть первый гражданин в России. Никогда не имел другого желания, как видеть Россию свободною, счастливою. Да знаешь ли ты, что я еще великим князем, либералом был не хуже вашего. Только молчал, таил про себя. С волками жить, по-волчьи выть. Вот и выл с Аракчеевым. Чем хуже, тем лучше. Вам помогал. Ну, говори же, только правду, всю правду, чего вы хотели—конституции? Республики?

— Ну, конечно, лжет. Сгинь, сгинь, оборотень,— опять подумал Рылеев с ужасом. Но сильнее ужаса было любопытство жадное: «А ну-ка, попробовать,— не поверить, а только сделать вид, что верю».

— Что же ты молчишь? Не веришь? Боишься?

— Нет, не боюсь. Я хотел республики,— ответил Рылеев.

— Ну, слава богу, значит, умен.—Опять крепко пожал ему обе руки государь.—Я понимаю самодержавие, понимаю республику, но конституцию не понимаю. Это образ правления лживый, лукавый, развратный. И я предпочел бы отступить до стен Китая, нежели принять оный. Видишь, как я с тобой откровенен,— плати и ты мне тем же.

Помолчал, посмотрел на него и вдруг схватился за голову.

— Что же это было? Что ж это было? Господи? Зачем? Своего не узнали. Всех обманул—и вас. На друга своего восстали, на сообщника. Пришли бы прямо, сказали бы: вот чего мы хотим. А теперь... Послушай, Рылеев, может, и теперь еще не поздно. Вместе согрешили, вместе и покаемся. Бабушка моя говорила: «Я не люблю самодержавия, я в душе республиканка, но не родился тот портной, который скроил бы кафтан для России». Будем же вместе кроить.

Вы—лучшие люди России: без вас ничего не могу. Заключим союз, вступим в новый заговор. Самодержавная власть— сила великая. Возьмите ж ее у меня. Зачем вам революция? Я сам—революция.

Как скользящий в пропасть еще цепляется, но уже знает, что сорвется и полетит, так Рылеев еще ужасался, но уже радовался.

И глаза государя блеснули радостью.

— Погоди, не решай, подумай сначала. Так говорить, как я, можно только раз в жизни. Помни же: не моя, не твоя судьба решается, а судьба России. Как скажешь, так и будет. Ну, говори, хочешь вместе? Хочешь? Да или нет?

Протянул руку. Рылеев взял ее, хотел что-то сказать и не мог: горло сжала судорога. Слезы поднимались, поднимались и вдруг хлынули. Сорвался—полетел, поверил.

— Как я... Что я сделал? Что я сделал? Как же мы все... нет, я, я один.... Всех погубил. Пусть же на мне все и кончится. Сейчас же, сейчас же, тут же на месте, казните, убейте меня. А тех, невинных, помилуйте...

— Всех, всех, и тебя и всех. Да и миловать нечего: ведь, я ж тебе говорю—вместе,—сказал государь, обнял его и заплакал, или так показалось Рылееву.

— Плачете... Над кем? Над убийцею,—воскликнул Рылеев и упал на колени; слезы текли все неутолимее, все сладостней; говорил, как в бреду; похож был на пьяного или безумного.— Именины Настенькины вспомнили? Знали, чем растерзать. Вот вы какой. Чувствую биение ангельского сердца вашего. Ваш, ваш навсегда. Но что я,— пятьдесят миллионов ждут вашей благости. Можно ли думать, чтобы государь, оказывающий милости убийцам своим, не захотел любви народной и блага отечеству? Отец, отец! Мы все, как дети, на руках твоих. Я в бога не веровал, а вот оно, чудо божье — помазанник божий, родимый царь - батюшка, красное солнышко...

— А нас всех зарезать хотел?—вдруг спросил государь шопотом.

— Хотел,—ответил Рылеев тоже шопотом, и опять давешний ужас сверкнул и потух.

— А кто же?

— Больше никто. Я один.

— Каховского не подговаривал?

— Нет, нет, не я,— он сам...

— А-а, сам. Ну, а Пестель, Муравьев, Бестужев? Во второй армии тоже заговор. Знаешь о нем?

— Знаю.

— Ну, говори, говори все, не бойся,—всех называй. Надо всех спасти, чтобы не погибли новые жертвы напрасные. Скажешь?

— Скажу. Зачем сыну скрывать от отца? Я мог быть вашим врагом, но подлецом быть не могу. Верю. Верю. Сейчас еще не верил, а теперь... видит бог, верю. Все скажу. Спрашивайте.

Он стоял на коленях. Государь наклонился к нему, и они зашептались, как духовник с кающимся, как любовник с любовницей.

Рылеев все выдавал, всех называл—имя за именем, тайну за тайною.

Иногда казалось ему, что рядом, на двери, шевелится занавес. Вздрагивал, оглядывался. Раз, когда оглянулся, государь подошел к двери, как-будто сам испугался, не подслушал бы кто.

— Нет, никого. Видишь?— раздвинул занавес, так что Рылеев почти увидел,— почти, но не совсем.

— Ну, что, устал?— заглянул в лицо его и понял, что пора кончать.—Будет. Ступай, отдохни. Если что забыл, вспомни к завтрому. Да хорошо ли тебе в каземате, не темно ли, не сыро ли? Не надо ли чего?

— Ничего не надо, ваше величество. Если бы только с женой...

— Увидитесь. Вот ужо кончим допрос, и увидитесь. О жене и о Настеньке не беспокойся. Они — мои. Все для них сделаю.

Вдруг посмотрел на него и покачал головою с грустной улыбкой.

— И как вы могли... Что я вам сделал,— отвернулся, всхлипнул уже почти непритворно, над самим собою сжалился: «бедный малый, бедный Никс».

— Простите, простите, ваше величество,— припал к его ногам Рылеев и застонал, как на смерть раненый.—Нет, не прощайте. Казните. Убейте. Не могу я этого вынести.

— Бог простит. Ну, полно же, полно,— обнимал, целовал его государь, гладил рукой по голове, вытирал слезы то ему, то себе общим платком.—Ну, с богом, до завтрего. Спи спокойно. Помолись за меня, а я—за тебя. Дай, перекрещу. Вот так. Христос с тобой.

Помог ему встать и, подойдя к двери, во флигель-ад'ютантскую, крикнул:

— Левашев, проводи.

— Платок, ваше величество,— подал ему Рылеев.

— Оставь себе на память,— сказал государь и поднял глаза к небу.— Видит бог, я хотел бы утереть сим платком слезы не только тебе, но и всем угнетенным, скорбящим и плачущим.

Уходя, Рылеев не заметил, как из-за тяжелых складок той занавеси, которая шевелилась давеча, появился Бенкендорф.

— Записал?— спросил государь.

— Кое-чего не расслышал. Ну, да теперь кончено,— все имена, все нити заговора. Поздравляю, ваше величество.

— Не с чем, мой друг. Вот до чего довели, сыщиком сделался.

— Не сыщиком, а исповедником. В сердцах читать изволите. Как у апостола о слове божьем сказано: «острее меча обоюдоострого, проникает до разделения души и духа, составов и мозгов»...

— Присылаемого Рылеева содержать на мой счет,— писал государь крепостному коменданту Сукину.—Давать кофий, чай и прочее, а также для письма бумагу, и что пишет, ко мне приносить ежедневно. Дозволить ему писать, лгать и врать по воле его».

— А платочек-то, платочек на память,—всхлипнул Бенкендорф и поцеловал государя в плечо. Тот взглянул на него молча и не выдержал,— рассмеялся тихим смехом торжествующим. Чувствовал, что одержал победу большую, чем на площади Четырнадцатого»[1]).

[1]) „14 декабря“—Д. С. Мережковского.

Казнь декабристов.

(По рассказу очевидца[1]).

— Приходим в крепость,— рассказывает этот очевидец лицу, записавшему его рассказ,— явились к плац-майору Подушкину, говорим: честь имеем явиться; присланы от городского полицмейстера в ваше распоряжение.

— Хорошо, говорит, господа, подождите.

Проводили нас там в комнату, зеркала этакие огромные стоят в золоченых рамах. Ну, поставили нам две восковые свечи. Тогда еще стеариновых и в помине не было, никто их не знал. Везде горели сальные свечи, а в богатых домах и у нас в парадных случаях,— восковые. Дороги были, стеариновые куда дешевле. Ну, слушай. Сидим мы и смеемся между собой: вот, дескать, в крепость попали. А в крепости-то сидеть не так дурно; лучше, чем в конторе.

Подошел я к окну, а ночь чудная такая была. Таких прекрасных ночей я не много в жизни помню, ей богу, тихо так, светло, ведь, это июль в конце был. Кажется, вот со двора бы не ушел, воздух такой чудесный. Чудная ночь. Окно было открыто, и я все глотал этот воздух, как теперь помню, так мне это легко было.

Через несколько времени подходит священник, Петр Николаевич Мысловский, протопоп Казанского собора. Тут только мы узнали, в чем дело, что ночью назначена казнь. Это был десятый час, а назначено было казнить в два. Мысловский приглашен был исповедывать, увещевать и напутствовать к смерти осужденных. С ним были и святые дары.

---

[1]) Приводимый рассказ о казни 5-ти декабристов принадлежит помощнику полицейского надзирателя, присутствовавшего при исполнении казни над декабристами, вместе с другими надзирателями. Рассказ этот помещен в „Историческом Вестнике“ 1904 г., январь; заимствован он из сборника „Общественные движения в России в 1-ю половину XIX века“.

Пошел он к ним, а на нас напал такой страх, хуже, чем у Княжнина. Дело-то было не шуточное. Сидим все мы такие бледные, дрожим. На кого ни взглянешь, просто лица нет ни на ком; на себя посмотришь в зеркало,— тоже самое. Точно нас самих к смерти приговорили. Страшно. Ночь-то, я тебе говорю, прелесть какая. А после того, как узнал я, что казнить будут, взглянешь на эту ночь, и еще тошнее станет на душе, вот так все сердце и того—просто плакать хочется.

Так прошло несколько часов. Вышел от осужденных Мысловский. Он был очень растроган, плакал. Бестужев, Муравьев и Рылеев исповедывались и много с ним говорили, раскаялись. К Пестелю приходил пастор; Мысловский хотел и его напутствовать, но он отказался, а Каховский исполнил христианский долг как бы по принуждению. Не хотел чистосердечно раскаяться.

В полночь это начали с'езжаться в крепость начальствующие лица: Павел Васильевич Кутузов,— тогда он был генерал - губернатором, — жандармский шеф, полицеймейстеры. Много приехало. Пошла такая суета, что ужас. Знаешь приготовления все эти. Надобно тебе сказать, что и прежде все с виселицею бились, никак не могли найти, кто бы взялся строить ее. Как ты ее будешь строить, когда весь век не видал. Взялся за это Посников, полицеймейстер.

Да. Так виселицу-то и эшафот строил Посников, а при нем архитектор, забыл его фамилию, немецкая. Виселицу строили где-то в тюрьме, потом разобрали и ночью должны были привезти в крепость. Только, братец ты мой, долго не везут. Такая пошла суматоха. Генерал-губернатор из себя выходит просто.

В это время из царской фамилии в Петербурге никого не было. Всем этим распоряжался Кутузов. Он вместо Милорадовича поступил. Он всем делом и заведывал. Наконец, привезли виселицу; начали ставить. Не так ли что было сделано, или забыли что, не знаю,— говорили потом, что будто перекладина пропала, а кто их знает, вряд ли правда. Как ей пропасть? Что-нибудь там, может, повредилось, это другое дело. Только надобно было починку произвести. Копались с виселицей долго. Как ни понукали, братец ты мой, как ни спешили, а все уже дело - то подходило ко дню. В четыре часа еще виселицу ставили.

Нас привели в коридор казематов в Алексеевском равелине. Сперва-то было ввели в какую-то черную комнату, да сейчас же и вывели. Какая это комната, не могу сказать. Был я там недолго, да и замечать-то всего не было мочи. Не до того было; жутко, страшно было. Пожалуй, что их судили и допрашивали в этой комнате.

Вывели нас в коридор; с нами был полицеймейстер Тихачев. Вслед за нами офицер привел 12 человек солдат Павловского полка, с заряженными ружьями и со штыками. Других полков солдат я не видел ни одного человека. Привели и двух палачей.

Отворили двери казематов и позвали преступников. Крикнули: пожалуйте, господа.

Они уже были готовы и вышли в коридор. Руки и ноги их были связаны так, что руки были опущены вдоль туловища, а ногами они могли делать самые маленькие шаги.

— На них не было кандалов? — спросил я.

— Нет. Никаких кандалов не было. Я, как теперь, вот на них смотрю. Только ремни. Ремнями были связаны руки и ноги. Они протянули друг другу руки и крепко пожали. Некоторые поцеловались. Рылеев глазами и головой показал на небо.

— Что, они тут говорили что-нибудь?

— Нет, ничего не говорили, потому что и говорить нельзя было. Тут был, братец ты мой, Тихачев; он бы не позволил много говорить.

— Ну, что же, они были бледны, встревожены?

— Удивительно, братец ты мой, нисколько. Совершенно спокойны. Вот как мы с тобой говорим. Точно будто шли не на смерть, а выходили вот в другую комнату закурить трубку. Кажется, как-будто один Каховский был немного побледнее. Я думаю, ему трудно было умирать, потому что он не раскаялся так искренно и не исполнил, как другие, как должно, христианского обряда. Его тоже причастили, ну, да он не от сердца это все делал, а как по приказанию. Все они удивительно были спокойны.

Когда их установили, мы пошли в таком порядке: впеpед шел офицер Павловского полка, командир взвода, поручик Пильман, потом мы пятеро вряд с обнаженными шпагами. Мы были бледнее преступников и более дрожали,

так что можно было сказать скорее, что будут казнить нас, а не их. За нами шли в ряд же преступники. Позади их 12 павловских солдат и два палача. Тихачев шел в стороне и наблюдал за процессией, а сам не становился в нее и определенного места не имел, как мы, например.

Мы двигались вперед медленно, едва переступая, потому что преступники со связанными ногами не могли почти итти.

Таким порядком вышли мы на кронверк. Парка этого тогда не было в заводе. На месте его был голый пустырь, и на нем кое-где валялись нечистоты и разная дрянь. Кронверк состоял из земляных валов и отделялся от поля и крепости водяными рвами. Дорогою преступники могли говорить между собой, но что они говорили, нельзя было слышать.

Когда мы перешли мост на кронверк, то увидели там солдат с ружьями, толпу преступников и два эшафота. На одном была устроена виселица. Тут я один раз в жизни и видел виселицу. Это просто, братец мой, качели. Знаешь, как качели делают на двух столбах с перекладиной? Ну, вот тебе и виселица. Качели, только вместо доски к перекладине на веревках людей подвесят. Иной, кто не знает, что тут делается, подумал бы, что тут очень весело. На кронверке во все время играла музыка Павловского полка. Я тебе говорил, погода была чудесная, а тут солнце всходит, и музыка играет.

Собрали всех замешанных в бунте. Всех их, кажется, было 125 человек.

— Что ж, виселица не была готова?— спросил я.

— Виселица-то была готова, за нею дело не стало, а сперва исполняли приговор над остальными: снимали с них платье на эшафоте, надевали на них арестантское, ломали над головами шпаги и все это; известно, лишали дворянства и чести, шельмовали, как тогда законом было постановлено. Нам все это было видно. Того, над кем уже исполнен был приговор, сейчас же уводили в крепость и сажали в каземат; оттуда уже отправляли в ссылку. В ссылку, братец ты мой, возили их тоже по ночам, этак, знаешь, перед утром, когда на улице нет народа.

Когда выпроводили тех, дошла очередь и до наших. Они, я тебе говорю, сидели все время на траве и тихо между собой разговаривали. Когда пришла их очередь, к ним опять подошел Мысловский, говорил с ними, напутствовал их еще раз к отходу и дал приложиться ,к кресту. Они на коленях молча помолились богу, смотря на небо. Тяжело было, братец, смотреть на них. Потом на них надели этакие мешки, которыми они были закрыты от головы до пояса. На шеи им на веревках надели аспидные доски с именами и виною их. Мы опять построились в порядок для шествия на эшафот под виселицу. Надо тебе сказать, что под самой перекладиной был сделан возвышенный помост, на него надобно было всходить по деревянному, очень отлогому откосу. Мы пошли. Тихачев был при нас: это было в его команде.

— Ну, в этот момент, когда надевали на них мешки, они побледнели? В них виден был страх?— продолжал допытываться я.

— И ничего-таки, братец мой. Я смотрел на них. Ведь, вот стоял, как от тебя. Первый стоял Карелин надзиратель против Пестеля, я против Рылеева, потом Попов надзиратель против Муравьева, Богданов надзиратель против Бестужева, а Дубинкин надзиратель против Каховского. Мы могли хорошо видеть их лица. Они были совершенно спокойны, но только очень серьезны, точно как обдумывали какое-нибудь важное дело. Да, ведь, и минута была серьезная, приготовлялись, ведь, братец, к смерти. Взглянули они последний раз на небо, да так, братец ты мой, взглянули жалостливо, что у нас вся внутренность перевернулась, и мороз подрал по коже. Каховский, правда, немножко того, сробел. Вцепился этак в батюшку, что его едва оторвали. Страх. Так это было жутко. Ты вот не поймешь этого, что это такое было, а я рассказать не могу. Ну, как я тебе расскажу? Мешки им очень не понравились; они были недовольны, и Рылеев сказал, когда ему стали надевать мешок на голову: «Господи, к чему это». Палачи им стянули руки покрепче. Один конец ремня шел спереди тела, другой — сзади, так что они рук поднимать не могли. На палачей они смотрели с негодованием. Видно, что им было крайне неприятно, когда до них дотрагивались палачи.

Когда все это было готово, Тихачев велел итти. Ну, мы и пошли, опять, знаешь, медленно, а тут это музыка играет Павловского полка. Солдаты этак осужденных сзади натискивали, чтобы они знали куда итти. Так они все подвигались понемножку вперед, по этому деревянному откосу; наконец, стали на место. Страшно, братец, ух страшно. У нас волосы стали дыбом на голове, когда мы подошли под перекладину. Тут нас свели прочь, и мы немножко вздохнули. У меня еще беда, в правый ботфорт попал камушек, а, может быть, сухая хлебная крошка, чорт ее, не знаю. Только терло мне, братец мой, ногу ужасно. До крови, ведь, стер.

Как свели нас с эшафота, то поставили тут же, возле. На шеи преступникам надели петли, и помост, на котором они стояли, опустился из-под их ног. Так это было уж устроено. Они повисли и забились, заметались. Тут трое средних и сорвались. Веревки лопнули; они и упали вниз. Только на краях остались висеть Пестель и Каховский. Что там ни говори, а я уверен, что это случилось оттого, что они исповедывались и раскаялись от чистого сердца. Бог их миловал. Ну, сам посуди, веревки были одинаковые и крепкие, их перед этим пробовали, отчего же не сорвались ни Пестель, ни Каховский.

— А говорят,— сказал я,— что именно они-то сорвались, Пестель и Каховский, да еще Рылеев.

— Неправда. Я, ведь, тут же стоял. Врут. Ну, как они упали, так разбились в кровь; ведь, сам посуди, упали-то с размаху.

Кутузов сперва прислал ад'ютанта, а потом и сам лезет, кричит, ругается: что это такое?

— Повесить не умеют,— кто - то отвечал из сорвавшихся, кажется, будто Рылеев.

Вешать их, вешать скорее!—кричит Кутузов. И боже, ты мой, стал тут кричать и ругаться. Подняли опять помост и вновь накинули петли. В это время, когда помост был поднят, Пестель и Каховский опять достали до него ногами. Пестель был еще в это время жив и, кажется, начал, немного отдыхать. Тут некоторые стонали, должно быть, от ушиба и боли. Их повесили опять. А, говорят, вешать в другой раз не следовало. Это тоже Кутузова вина.

За рвом было немного народу. Рано было, и никто ничего не знал; оттого и не собрались. Народ тоже это зашумел что-то. Кутузов на них закричал, а музыка еще громче стала играть.

— Что же она играла?—спросил я.—Похоронный марш?

— Нет, простые марши играла и разные штуки. Прошло этак с полчаса; доктор говорит, что они давно умерли. Велели снять их. Сняли, братец мой; у всех вылезли длинные языки, и лица были синие такие, почти черные. Их сложили на телегу и сдали полицеймейстеру, полковнику Дершау; он был назначен хоронить их. На день тела поставили в сарай на кронверке же. Виселицу живо разобрали.

— Где же их похоронили?

— А вот где. Знаешь на Смоленском кладбище?

— Ну, знаю.

— Там есть немецкое кладбище, а за ним армянское. Тут есть этакий переулочек налево. Вот мимо армянского кладбища и итти до конца переулка. Как выйдешь к взморью, тут и есть. Тут их всех и похоронили. Ночью их вывезли с конвоем, и мы тут шли. Распоряжался Дершау. Там потом четыре месяца караул стоял».

Тайное общество братьев Критских.

13 августа 1827 года московский военный генерал-губернатор, князь Д. В. Голицын, получил от бригадного генерала Фриша рапорт с весьма важным сообщением. На другой день в Петербург летел, сломя голову, фельд'егерь с донесением на имя начальника штаба его императорского величества — гр. Дибич.

Кн. Голицын сообщил, что стоявшие 11 августа в карауле на главной кремлевской гауптвахте Сибирского гренадерского полка штабс-капитан Боцан и прапорщик Ковалевский об'явили своему полковому командиру, что к ним на гауптвахту приходил студент Лушников. «Сперва он расспрашивал у некоторых из караульных гренадеров, каков их ротный командир, которые отозвались, что они им довольны и его любят, то после сего означенный студент, подойдя к штабс-капитану Боцану, старался познакомиться

и, по некотором приветствии, просил как его, так и Ковалевского войти с ним в короткие связи, об'являя секрет, и просил в оном участвовать, сказав, что их партия довольно значительна как в Москве, так и в Петербурге и в Сибири, и что они предположили сего месяца 22 числа, в день коронации, сделать революцию, а перед тем намерены по всему городу разбросать возмутительные записки и так же у монумента Пожарского выставить сколько было невинно повешенных и сосланных в Сибирь.

Когда об этом узнал московский военный комендант, генерал Веревкин, то он приказал офицерам «притворно согласиться и стараться всячески выведывать и узнавать всех сообщников и сколько возможно секретнее». Труды услужливых офицеров увенчались успехом, что видно из конца голицынского донесения: «Сего числа, об'явили, что означенный студент живет в Кремле, у дяди своего, экзекутора кремлевской экспедиции, и что сего дня обещали притти к ним в хамовнические казармы с товарищем, каким-то Критским, и хотели им показать какие-то бумаги и на образец приготовленный кинжал».

В ночь с 14 на 15 августа Веревкин явился с своими ад'ютантами и военным караулом на квартиру братьев Критских, а затем и Лушникова; арестовал всех и развез по с'езжим домам.

На другой же день кн. Голицын составил под своим председательством особую следственную комиссию из Веревкина, генерал-ад'ютанта Храповицкого, обер-полицеймейстера Шульгина, состоявшего при генерал-губернаторе стат. сов. Тургенева и начальника московского (II) округа жандармов, генерала Волкова.

Комиссия в тот день начала свою работу осмотром бумаг, захваченных у арестованных «злоумышленников». Ничего особенного, однако, не было найдено, кроме одной записки, отобранной у Лушникова, из кармана. Внизу ее пером написана была печать с девизом: «Вольность и смерть тирану».

16 был сделан первый допрос Лушникову. Это был, молодой человек, сын землемера Симбирской губ., сначала учившийся в симбирской гимназии и в 1826 году приехавший в Москву для поступления в университет. Туда, однако,

он сразу не попал, благодаря слабому знанию латыни, и остался ожидать следующего года. По сообщению Волкова, «он не устоял против убеждений членов комиссии и письменно признался в мечтательности предприятий действовать к учреждению конституции» и назвал троих братьев Критских своими сообщниками. Петр Критский, служивший канцеляристом в 7-м департаменте сената, тоже молодой человек, 21 года, показал сразу большую выдержку и никаких показаний не дал. На другой день Лушников обрадовал комиссию еще большей откровенностью. По крайней мере, Волков пишет Бенкендорфу: «Он не скрывает, кажется, ничего и горько оплакивает безумную дерзость, с каковою позволил себе выражение оскорбительных для правительства и для самой высочайшей особы государя императора мыслей, даже в стихах, им сочиненных». Не пожалел Лушников и других: в этот день он выдал архитекторского помощника кремлевской экспедиции Даниила Тюрина 19 лет и студента университета Николая Попова 18 лет, жившего тогда в отцовском имении, Воронежской губ.

Разумеется, было сделано распоряжение о немедленном их арестовании.

Спрошенный впервые 19 августа младший из Критских Василий (17 лет), студент университета: «признавшись в вольномыслии, из'яснился во всем почти согласно с Лушниковым, представляя замысел свой в виде мечты легкомысленной молодости».

Третий Критский, тоже студент, Михаил (18 лет), сначала прибегал «ко многим околичностям», а потом подал пространное письменное сознание. Арестованный 19 числа Тюрин признался в умысле. «Признание его более решительно, нежели прочих, коих, кажется, превосходит он основательно. Он сказал, что в состав плана их входило и покушение на жизнь государя императора»...

На другой день Тюрин «раскрыл точнее других существо предприятия. Будучи, так сказать, основателями общества, в малом кругу единомышленников заключавшегося, они надеялись распространить его умножением членов. При предложениях к покушению на жизнь императора Тюрин спорил, что это не может быть благом для отечества; соглашались отложить это на десять лет и избрать по жребию из среды

себя с тем, чтобы исполнитель злодеяния сокрыл сообщников цареубийства»...

Когда, таким образом, в руках следственной комиссии, разумеется, не стеснявшейся в средствах для побуждения к сознанию, были довольно определенные данные, старший Критский, 25 августа, после сломленного упорства, попросил позволить ему дать письменно подробные показания. Разрешение было дано, и комиссия нашла в словах Петра Критского все главное сходным с уже известным.

Теперь ей оставалось допросить еще несколько человек: канцеляриста Алексея Салтанова (20 лет), служившего с Петром Критским в сенате и названного им и братом Василием; коллежского регистратора московского опекунского совета Алексея Матвеева (24 лет), названного Лушниковым и Василием Критским; ими же названного архитекторского помощника кремлевской экспедиции, коллежского регистратора Петра Таманского (17 лет) и названного Василием Критским студента университета Алексея Рогова (22 лет).

На очных ставках Михаил Критский отрицал показание Тюрина о цареубийстве, а Василий—подтверждал. Схваченный на пути в Москву из имения, Попов скоро остановился в ответах, пришел в слезное раскаяние, признался в соучастии с Критским, утвердительно об'явил, что «общество их заключалось только в шести лицах»: трое Критских, Лушников, Тюрин и он. Потом Попов подал пространное письменное сознание. Еще день—и Михаил Критский признал справедливость показаний Тюрина и Лушникова, а Попов назвал Николая Тюрина, мальчика 16 лет, сначала казавшегося годным в члены общества, а потом отклоненного «по легкомыслию». Его приказано было арестовать вместе с чиновником Петром Пальминым (22 лет), жившим в имении матери в Тамбовской губ. и с канцеляристом Алексеем Шахларевым (19 лет), товарищем по службе Даниила Тюрина. Тогда же, в половине сентября, Лушников оговорил подпрапорщика 6-го карабирного полка Порфирия Курилова (18 лет) в произношении дерзких слов против правительства и государя, но Курилов совершенно этого не признал.

Наконец, к 17 сентября комиссия сочла свою миссию более или менее законченной, и кн. Голицын послал Бенкендорфу записку о ее действиях по 15-е число. Из нее мы видим, что удалось узнать от допрошенных в течение месячной работы.

Прибыв из Симбирска в Москву в 1826 г. и не поступив в университет, Лушников стал скучать и искать интересных знакомств. Таким оказалось семейство Критских. С первых свиданий в январе 1827 года разговоры их приняли вполне определенный оттенок протеста против давившего Россию деспотизма. «Направление их к преступному умыслу взяло начало свое из об'яснений Лушникова с Василием Критским при свидании в день страстной пятницы, на берегу Москвы-реки. Говорили они тогда о всеобщем употреблении в России иностранных языков и обычаев и сожалели, что россияне чуждаются своего отечественного. Разговор сей был повторен между ними через несколько дней при бытности Михаила Критского. Сей последний, выхваляя конституцию Англии и Германии, представлял несчастным тот народ, который состоит под правлением монархическим, и называл великими преступников 14 декабря, говоря, что они желали блага всему отечеству». Все это привлекло Лушникова. После многих свиданий, ему было открыто «тайное желание видеть Россию под конституционным правлением с уверениями пожертвовать для того самою жизнью». Лушников заявил себя Критским их единомышленником, но в глубине души не верил в успех, видя малочисленность членов. Несколько времени спустя его познакомили с Даниилом Тюриным, находившим необходимым «стараться о приобретении членов, и ежели время усилит их, то принять решительные меры в рассуждении» государя: если не даст конституцию добровольно, то принудить силою. Наконец, свели его с Поповым. В мае 1827 г. присоединился и Петр Критский.

В таком составе они неоднократно совещались о ходе и развитии своего общества и предполагали вербовать членов среди студенчества, а председателем, по предложению Михаила Критского, избрать А. С. Пушкина. На последнее возражал Лушников, говоря, что Пушкин ныне предался большому свету и думает более о модах и остреньких

стишках, нежели о благе отечества». Впрочем, обе мысли были затем отвергнуты.

Как-то Михаил Критский заговорил о цареубийстве. Тюрин находил это бесполезным.

— Смерть государя устрашит прочих особ царствующей фамилии и заставит их удалиться в Германию,— продолжал Михаил.

— Напротив того, примут строгие меры, так что даже за одно неосторожное слово будут ссылать в Сибирь,— возражал Тюрин.

— Тем лучше,— не успокаивался его оппонент,— потому что народ тогда ожесточится.

В другой раз происходил такой разговор:

— Как ты думаешь,— спросил Лушникова Михаил при брате Василии, Попове и Тюрине,—до корня или с корнем? То-есть лишить жизни всю императорскую фамилию или оставить наследника?

— Если благополучие моего отечества и перемена правления требует сих жертв, то я готов на все, но для чего губить царя-младенца? Он не может быть нам вреден.

— Вот хорошо,— возразил Василий,— не может быть вреден.

— К тому же,—прибавил Попов,—за наследника вступится всякий немец, как за родную кровь свою.

— Ты должен слепо следовать нашим советам,— сказал, наконец, Тюрин,— как тайнам евангелия.

Потом Михаил, показывая на царские портреты в календаре, сказал:

— Смотри на этих тиранов и напитывай душу свою кровавою местью.— И, вынув два ружья, охотничий нож и турецкий ятаган, прибавил: «Вот у нас есть для них гостинцы».

Затем Василий спросил Лушникова, хочет ли он жертвовать жизнью своею для спасения отечества. Да, сказал Лушников и, тревожимый совестью, хотел отстать от своего намерения, но, ослепленный ложными доводами Критских о мнимой любви к отечеству,—остался тверд. Немудрено, что на вопрос комиссии: «почему цареубийство было отсрочено на десять лет?»—Лушников отвечал: «Потому, что всякому хотелось пожить и для родных, и дабы видеть плоды

своего предприятия»... Очевидно, не все так об'ясняли свое решение.

Летом, незадолго до ареста, Михаил Критский подал мысль написать прокламации и разбросать по городу. Сначала мысль эта была одобрена, а потом найдена опасной и отвергнута. Зато решено было воспользоваться удобством местожительства Критских и Лушникова в Кремле, ходить по дворцовому коридору и беседовать с караульными солдатами. Так, Лушников помнит одного из часовых, назвавшего себя Франком, которого он распропагандировал, и утешал надеждою на лучшее будущее.

Затем как-то Лушников вздумал написать прокламацию к московским гражданам, в том смысле, что пора утвердить конституционное правление. Когда он поделился этой мыслью с Критским, Василий сказал: «Мысль хороша, но предприятие опасно, ибо могут дознаться по почерку руки. А хорошо бы было достать или самим сделать буквы для печатания». Но это предложение 75 лет тому назад показалось так утопично, что Тюрин признал за лучшее и гораздо менее опасное выгравировать прокламацию пером под печать. Решено было так и сделать, и именно в день празднования годовщины коронации (22 августа) и при том положить на пьедестале памятника Минину и Пожарскому. Поручение это должно было быть выполнено по жребию между двумя младшими Критскими и Лушниковым. Петр в этом не участвовал, потому что тогда еще не вполне вошел в общество. Друзья надеялись на поддержку своего предприятия со стороны обиженного Николаем генерала Алексея Петровича Ермолова, на симбирского губернского предводителя дворянства князя Барагаева и на генерала Ивашева, отца декабриста... Василий показал даже, что у них была надежда иметь Ермолова во главе своего общества.

Петр Критский показал, между прочим, что «любовь к независимости и отвращение к монархическому правлению возбудились в нем наиболее от чтения творений Пушкина и Рылеева. Следствием сего было, что погибель преступников 14 декабря родила в нем негодование. Сие открыл он братьям своим, которые были с ним одинаковых мыслей. В замыслах, не исключая и самого покушения на жизнь го-

сударя императора, участвовал, думая, впрочем, что сами по себе вшестером они ничего не сделают, а, между тем, время откроет глаза».

Михаил Критский не признался ни в чем, кроме вольномыслия и участия в намерении метать жребий для убийства императора через 10 лет.

Даниил Тюрин признал источником своего вольномыслия Критских и Лушникова. При этом он сознался, что если бы жребий убить Николая I выпал на него, то он еще раньше решил не осуществить его и отречься от общества.

Попов тоже считал своими учителями Критских. «Мысль моя насчет жизни государя в одно время была ужасна, что показывает письмо мое к Критским; но никогда она не продолжалась и не тяготила мою совесть. Раскаяние всегда оную искореняло». В указываемом письме Попов уверял, что усиливает горящий в них всех пламень ненависти к государю. Мысль его была изображена так: А. Н. М. М. К. На каждую букву сверху, от буквы Н падала стрела. Это должно было символизировать мщение народа Александру I и Николаю I, Марии Павловне, Михаилу Павловичу и Константину Павловичу.

Наконец, в начале декабря московский фельдегерь повез в Петербург окончательный доклад следственной комиссии. 21 декабря Николай I конфирмировал в измененном виде проект приговора. Ознакомимся с ним в окончательном виде.

Во главе стояли трое Критских, Лушников, Попов и Даниил Тюрин. «Сии шесть человек, составив между собой тайное общество, умышляли на жизнь его величества государя императора и всей августейшей фамилии, предполагая сие в действие произвести не иначе, как по прошествии десяти лет, а, между тем, было у них условие: стараться умножить членов, изыскивать средства для преобразования государства, ввести конституционное правление, возбудить негодование солдат против правительства, приготовляться к бунту и, написав прокламацию к московским жителям, положить оную на монументе Минина и Пожарского. Сверх того, из них Лушников, Петр Критский и Попов произносили к портретам государя императора дерзкие и оскорбительные слова; при том Лушников

был ожесточен до такой степени, что дерзнул на портрете блаженные памяти государя императора выколоть глаза». Резолюция Николая: «Лушникова и Петра Критского отправить в Швартгольмскую крепость. Михаила и Василия Критских отправить в Соловецкий монастырь. Попова и Тюрина отправить в Шлиссельбургскую крепость».

Салтанов—«Имел разговор с Критским и соглашался с ними, что в России войско содержится строго и что неприятельский урон описывается, а о нашем умалчивается, разумея сие о персидской войне. Впрочем, Салтанов не сознался, чтобы когда-либо слышал от Критских возмутительные против правительства слова». Резолюция: «Отправить на службу в Оренбург».

Матвеев—«Соглашался при разговоре с Лушниковым в том, что в России нет положительных законов, что весьма дурно служить чиновникам и что должно переменить правление; советовал Критским быть осторожными, произносил вольные слова против нравственности и правительства и читал, без всякого, впрочем, умысла, дерзкие стихи. Но когда Критские говорили о вольности народа и об ограничении власти государя императора, то Матвеев от сего удерживал их». Резолюция: «Простить».

Таманский—«Слышал разговор Лушникова, что в России нет положительных законов, что несправедливо наказаны преступники за возмущение 14 декабря, притом сам признавал необходимым ввести конституцию, и что лучше было бы тех преступников расстрелять; но это было, по словам Таманского, только рассуждение, не имеющее, впрочем, никакого основания, при улике же его Василием Критским в произношении дерзких слов, что надобно возвести на трон и государя русского, Таманский отозвался, что сказал сие сам Критский; а какой на то был ответ его, Таманского, не помнит». Резолюция: «Отослать на службу в Пермь».

Рогов—«Слышал, что Критские имеют образ мыслей весьма вольный и несоответственный коренным законам, что Василий Критский часто судил о правительстве и начальниках, что сии последние нехороши и не должны быть иностранцы; рассуждая же Рогов с Критским о политическом праве, говорил и о конституциях Юстиниана, что

ими управлялась Римская империя, не зная о злоумышлении Критских». Резолюция: «Велеть избрать род службы и отправить, где быть под строгим присмотром».

Николай Тюрин—«Слышал разговоры злоумышленников, будто бы не было от роду у нас закона, чтобы вешали, а государь выдумал; что варварское наше правительство за безделицу радо человека до смерти убить; что хотели они немцев и французов, не любя их, изгнать, а справясь о роде государя, из какой оный земли, ужасно досадовали, что иностранцы русскими правят и что умных всех сослали в Сибирь; когда же Критские предлагали Тюрину, чтобы был он сообщником их, то он тогда о сем промолчал». Резолюция: «Отправить на службу в Вятку».

Шахларев—«Не зная, что Лушников был членом тайного общества и слыша от него следующий вопрос: «Желаешь ли ты счастья своему отечеству и имеешь ли столько твердости, чтобы для достижения сего, в случае нужды, пожертвовать даже своею жизнью». Отвечал: «Без сомнения, ибо какой из верных подданных не захочет умереть за государя и отечество». После чего Шахларев старался выведать от Лушникова тайну его сердца с тем, чтобы, донеся начальнику, получить название Верного, для чего даже решился произнесть дерзкие на счет государя выражения; однако, из невразумительных слов Лушникова ничего не мог понять. Притом Шахларев говорил Лушникову, что его величеству царствовать два года, основываясь в том на имевшейся у него книге в 1801 году, сочиненной на 200 лет, в коей сказано (без означения державы), что вступивший в нынешнем году государь должен царствовать три года». Резолюция: «Простить».

Пальмин—«Имел у себя вышеупомянутые дерзкие стихи, полученные им от бывшего студента Полежаева, который выдавал оные за сочинение Рылеева; при том Пальмин, по просьбе артиллерийского офицера Бредихина, вписал сии стихи в тетрадь его, не размышляя о худых последствиях. Полежаев об'явил, что знал о содержании тех стихов, но это не он сочинил, и передавал ли он их Пальмину, не помнит». Резолюция: «Отправить на службу в Вологду».

Кольчугин—«Оговорен Лушниковым в том, что когда он, спрашивая у Кольчугина о цене книги, под загла-

вием: «Думы» Рылеева и выхваляя гений его, сожалел об участи Рылеева, то Кольчугин сказал сии слова: «То, за что он погиб, увековечит его память; следственная комиссия выставила их дураками; они бы по-нашему, по-просту, из-за уголка». Когда же Лушников сказал Кольчугину иронически: «Пойти помолиться за царя и поставить за него свечку», то и Кольчугин промолвил: «Да уж и от меня поставьте сальную». Кольчугин против сего оговора ни в чем не сознался. Потом на очной ставке с Лушниковым об'яснил, что не помнит, был ли разговор о Рылееве; если же означенные вопросы были порывистые, то основаны не на другом чем, как на одних только разговорах. Все те вопросы вырвались по молодости лет и справедливы, а слова: «По нашему бы, по-просту, из-за уголка», также могли вырваться, но без цели и без мыслей, и как оные слова, так и вопросы могут быть извинительны, прося снисхождения у присутствующих». Резолюция: «Простить, держа под строгим присмотром».

Гонбурцев, Тимофеев, Носов, Пашков—«Оговорены Даниилом Тюриным в произношении при разговоре с ним дерзких выражений и в слышании от него, Тюрина, таковых на счет государя императора, правительства, притеснения солдат в военном поселении и крестьян; но все сии оговоренные лица ни в каком злоумышлении и в знании об оном не сознались, показывая из них некоторые, что, слыша неприличные разговоры Тюрина, всегда опровергали оные, или, почитая то шуткою и легкомысленностью, вовсе от него удалялись». Резолюция: «Всех простить, но из кремлевской экспедиции уволить и употребить на службу вне Москвы».

Канцелярист Иван Мейен—«Оговорен также Даниилом Тюриным в произношении дерзких выражений на счет правительства, но в сем Мейен сделал отрицание, а сознался в том только, что когда были взяты по сему делу Критские, то повстречавшись, он, Мейен, с Тюриным в саду, без всякого намерения, шутя говорил ему: «Что, тебя еще не взяли за то, что ты был знаком с Критским». Резолюция: «Простить» [1].)

---

[1]) „Былое", 1906 г. VI. Лемке „Тайное общество братьев Критских".

Процесс Колесникова и один из первых провокаторов.

«Существовавшее в Москве общество Новикова и его друзей основано было отчасти по правилам массонства. Братство, равенство, искренность, взаимное вспомоществование друг другу, благотворение, распространение чтения полезных книг и вообще свободомыслие того времени—составляли цель его. Оно имело многие отрасли в России. Одно отделение его существовало также в Оренбурге. Когда и кем оно основано, мы не знаем.

При вступлении на престол Николая, оставался в Оренбурге некто Кудряшев, принадлежавший к обществу Величка. Он был чиновник, незначительный аудитор, но человек честный и образованный; Кудряшев завербовал несколько молодых людей, служивших в тамошнем гарнизоне.

Происшествие 14 декабря 1825 г., с его последствиями, естественно, напугало старших и осторожных членов этого общества, но огорчило и ожесточило юношей.

При этом расположении их, привезли в Оренбург Завалишина, из юнкеров артиллерийского училища разжалованного в солдаты. В то самое время, когда «комитет о тайных злоумышленниках» производил следствие, этот молодой человек, имея от роду не более 17—18 лет, сделал извет на родного своего брата, принадлежавшего к обществу, – и даже на сестру. Настоящее несчастие нисколько его не образумило: дорогой он наделал еще несколько гадостей. Из Москвы он послал донос на командира батальона внутренней стражи Штемпеля, в благодарность за то, что он принял его, как благородного, несчастного юношу, и позволил на свой страх раз'езжать по городу. Во Владимир он успел как-то приехать под именем комиссионера Иванова и, уверив губернатора, что потерял подорожную, выпросил другую и до самого Оренбурга ехал с этим видом.

Едва явился он в команду, как начал уверять молодых юнкеров и офицеров, что он принадлежал к тайному обществу и осужден вместе с прочими. Весьма естественно, что провинциальные молодые либералы им заинтересовались и начали с ним нескромно беседовать. Заметив это, Завалишин выдумал им сказку, будто бы, проезжал через

Владимир, он открыл и там тайное общество, которое его приняло и дало поручение принимать членов. Портупей-прапорщик Колесников, один из этих молодых людей, тотчас рассказал обо всем Кудряшеву, который и посоветовал быть крайне осторожным в откровенности с Завалишиным; но чтобы выведать у него истину, разрешил Колесникову, с двумя или тремя товарищами, войти с ним в тайное сношение, промолвив: «А там увидим». Колесников уговорил прапорщика Таптыкова, и оба они дали себя принять в мнимое общество. Потом Колесников принял еще товарища и друга своего Дружинина, также портупей-прапорщика, а затем прапорщика Старкова, юнкера Шестакова и служившего в ратуше коллежского регистратора Дынькова. Таптыков же с своей стороны принял казачьего сотника Ветошникова.

Все это происходило в марте и в начале апреля 1827 г. Завалишин составил устав общества и 18 апреля прочитал его в собрании всей этой молодежи. Они судили, рядили, кое-что исправили и кончили тем, что дали обманщику подписки в верном сохранении правил устава и тайны. Не далее как через три дня после этого происшествия, секретарь военного губернатора шепнул одному из них об осторожности, примолвив: «Кажется, ваш новый приятель подал какой-то донос военному губернатору». Об этом тотчас дано было знать Кудряшеву. Он достал даже список поименованных в доносе и успел предостеречь многих, присоветовав истребить бумаги, если есть могущие навлечь хотя малейшее подозрение, и, вероятно, сам поспешил сделать то же.

Предав этих несчастных молодых людей, Завалишин не посовестился собрать их еще 23-го числа, и тут весьма много ораторствовали о будущих действиях, видах и надеждах, о заготовлении оружия, о возмутительных бумагах и т. п.

Через день, т.-е. 25-го числа, по распоряжению военного губернатора начались аресты. Всего по списку, составленному Завалишиным, взято 33 человека, и все рассажены по разным гауптвахтам. Обрадованный, вероятно, случаем выказать бдительность свою и свое усердие престолу, генерал Эссен, один из немногих оставшихся представителей

Гатчины, не разведав порядочно, есть ли тут что-нибудь основательное, в тот же день поспешил отправить курьером своего ад'ютанта Лебедева с донесением к государю об открытии важного государственного заговора.

Аудитор Кудряшев был арестован на другой день, и так как ни у него, ни у многих других ничего подозрительного не нашли, то кроме 8 человек, о коих ниже будет упомянуто,— тотчас всех выпустили. Кудряшев, однако, через неделю скоропостижно умер, и смерть его—как обыкновенно в подобных случаях бывает—подала повод к тайным толкам об отраве.

26-го числа все те, которые спутали себя подписками, данными Завалишину, призваны были к военному губернатору, для снятия с них допроса. В собственном его кабинете составлен был, под личным его председательством, род комитета, в котором присутствовали начальник штаба оренбургского корпуса генерал-лейтенант Веселицкий, бригадный командир 1-й бригады, генерал-майор Стерлинг и, для письмоводства, корпусный аудитор.

После первых расспросов, не трудно было увидеть, что это просто молодые опрометчивые люди, большей частью чуть не дети, которые дались в обман негодяю, вознамерившемуся их погибелью купить себе прощение. Генерал Стерлинг сильнее всех это заметил и потому вслух сказал генералу Эссену: «Вот, ваше высокопревосходительство, я вам говорил, что это все штуки самого Завалишина. Военный губернатор не отвечал ни слова, но на лице его показалась багровая краска, что могло значить: «Глупость сделана; поправить поздно, пусть погибнут».

Вероятно, увлекаясь этою последнею мыслью, а, может быть, и желая показать, что жертвы его не совсем невинны, он обратился к ним с язвительной насмешкой и спросил: «Какое же знамя вы приготовили: красное или зеленое, где оно у вас».

— Мы не готовили никакого,—отвечали ему.—Как, сударь, из устава вашего видно, что вы намеревались поднять знамя?—Знамя бунта, ваше превосходительство, это так только говорится,—об'яснил ему Колесников,—и генерал стал втупик.

Удостоверившись из расспросов, что Завалишин сам был зачинщик всего дела, генерал Эссен тут же приказал взять его под стражу; а допрошенных повели из кабинета в корпусное дежурство, чтобы там прочитать им снятые с них допросы и дать им подписать их. Это предоставлено было одному корпусному аудитору. Когда дошла очередь до подпоручика Михайлова, все его товарищи приступили к аудитору и, свидетельствуя единогласно, что он с ними ни в чем не участвовал, просили уничтожить допрос и освободить его. Аудитор спросил: «Все ли они на это согласны». И получив удовлетворительный ответ, тут же разорвал допрос и вымарал его из списка. Таким образом, этот человек спасся. Доказательство: какими глазами смотрели на важность этого дела низшие чиновники, и что может сделать иногда корпусный аудитор.

Итак, по этому «важному» заговору преданы были суду только следующие лица:

Прапорщики: Таптыков 30 лет и Старков 25 лет; портупей-прапорщики: Колесников 24 лет и Дружинин 19 лет; юнкер Шестаков 17 лет, казачий сотник Ветошников 23 л., рядовой Завалишин 19 лет и коллеж. регистр. Дыньков 19 лет, этот последний судился гражданским судом.

Военный суд открыт был 4 мая. Члены все приметно были озлоблены гнусным поступком Завалишина, который хотел запутать еще многих бывших семеновских солдат; но они ответами своими усугубили только его вину. Видя, что ему плохо, Завалишин успел из-под стражи караула послать на самого Эссена донос к государю, собрав в нем все злоупотребления, о коих от частных лиц в городе мог только слышать; но этот донос, в доказательство уже полной высочайшей доверенности к усердно верному Эссену, прислан был к нему с повелением судить Завалишина. А за этот поступок Эссен его и не пощадил. Суд окончен 13 июня.

По приговору военного суда, присуждено: Таптыкова, Колесникова, Ветошникова и Завалишина, яко главных злоумышленников бунта, колесовать; Старкова и Дружинина лишить живота; Шестакова—разжаловать вечно в солдаты. Генерал Эссен конфирмовал: сослать в каторжную работу: Таптыкова на 12 лет, Колесникова на 24 года, Дружинина

на 8 лет, Завалишина вечно; Ветошникова же и Старкова — вечно в солдаты, а Шестакова на три года в солдаты без лишения дворянства. Аудиторианский департамент положил: Таптыкова на 8 лет, Колесникова на 12 лет и Дружинина на 6 лет в каторжную работу, а о Старкове, Шестакове, Ветошникове и Завалишине подтвердил конфирмацию военного губернатора.

Всемилостивейшая высочайшая конфирмация, последовавшая в 12 день августа 1827 г., состояла в следующем: Таптыкову, Колесникову и Дружинину сбавлены сроки вполовину; Старкову, Ветошникову и Завалишину утверждено наказание, положенное генералом Эссеном, а о 17-летнем Шестакове присовокуплено: «Вечно в солдаты и лишить дворянства».

Экзекуция исполнена 12 сентября. Посланные в каторжную работу поступили в Петровский завод в сентябре 1828 г. Эссен переведен в Петербург военным генерал-губернатором, получил андреевскую звезду и потом графское дворянство»[1]).

---

[1]) „Политические процессы“ изд. Саблина.

ИНСЦЕНИРОВКИ.

ДЕКАБРИСТЫ[1])

(*Январь 1826 г. Николай Павлович за письменным столом*).
Входит Бенкендорф.

Бенкендорф. Ваше величество, я с приятными вестями. Доставлен сам Пестель и другие бунтовщики из 2-ой армии. Теперь в наших руках все члены Южного Общества. (Подает ему список).

Ник. Пав. (Посмотрев список). И Муравьев-Апостол, и Бестужев-Рюмин... Это они руководили бунтом в Черниговском полку под Киевом?

Бенкендорф. Так точно, ваше величество. Предприняли они поход на Петербург, но нам удалось доставить их сюда гораздо быстрее, чем они предполагали. Мы их избавили от похода и прикатили на почтовых тройках. Бестужев-Рюмин 24-х летний мальчишка, но дел наделал много Хотел скрыться в лесах, пробраться в Петербург, чтобы нанести удар в.в. Муравьев-Апостол на вопросы не отвечает искренно, а финтит. Пестель держит себя гордо и дерзко, с полным сознанием своего достоинства. Самый умный из заговорщиков.

Ник. Пав. Бестужева-Рюмина сюда, а затем и остальных.

Бенкендорф. Слушаюсь, ваше величество. (Идет в зал и отдает приказание фельд'егерю).

Ник. Пав. (Идет за ним в зал). А где Левашев?

Бенкендорф. Снимает допросы.

Ник. Пав. Скажи и ему, чтобы при допросах был неизменно вежлив и ласков. Их надобно расположить, чтобы не скрытничали. Нам нужно отыскать все нити заговора, иначе мы будем в постоянной опасности. Ступай. (Вводят Бестужева-Рюмина, Бенкендорф уходит).

Ник. Пав. (Подходит к Бестужеву-Рюмину, проявляет ухватки ласковой кошки). Что вы, батюшка, наделали? (Берет его под руку и ходит с ним по залу). Что это вы только наделали! Взбунтовали семьсот солдат и на Петербург с ними хотели итти. Попа несчастного в Васильевке чуть было не приколотили. Заставили его служить молебен... Катехизис мерзкого сочинения прочесть... Побунтовали и побогохульничали, ай-ай, ай-ай,—как не стыдно... ай-ай, ай-ай... Как не стыдно вам, молодой человек!

---

[1]) Отрывок из пьесы Н. Лернера „Николай I“. Ряз. 1923. Р. Т. О.

Бестужев-Рюмин. Ваше величество...

Ник. Пав. (Перебивает). Я знаю, что вы можете сказать. Не будем лучше играть в прятки и поговорим откровенно. Вам не стыдно?.. Не правда ли, стыдно... Я вижу по вашим глазам, что вам стыдно. Вы знаете, что за это (показывает на шею), но ваше счастье, поручик, что все в моих руках. Я могу простить вас, если увижу, что вы искренно покаетесь... Уж не пеняйте, годика на два на Кавказ в линейные войска отправлю, но офицерского звания не лишу. Голубчики, вот где вам надо проявить храбрость. У вас, конечно, были более широкие планы, и вы мне их скажете.

Бестужев-Рюмин. Ваше величество, поскольку сие будет касаться меня—скажу.

Ник. Пав. Почему только о себе?

Бестужев-Рюмин. Сообщников назвать не могу.

Ник. Пав. Кто вам этого не велит?

Бестужев-Рюмин. Государь, я и мысли допустить не могу дать кому-нибудь право назвать меня подлецом.

Ник. Пав. А если солжете своему государю, тогда как вас назовут? Я с вами откровенен, платите мне тем же. Вы можете оставаться спокойным—я крови не пролью. (Меняя тон). Говорите всю правду, а если скроете что нибудь, тогда прошу не прогневаться. (Берет его опять под руку). И мое положение незавидное. (Ведет его в кабинет). Я вовсе не стремлюсь к неограниченному самовластию. (В кабинете) Пройдемте дальше... Я сам первый гражданин своей родины. (Скрывается). Входят Бенкендорф и Левашев.

Бенкендорф. Какое упорство проявляют эти господа, а в особенности Пестель.

Левашев. Государь сумеет выведать у них самые сокровенные тайны... Если не сразу, то постепенно. (Вводят Муравьева-Апостола).

Бенкендорф. Сейчас доложу о вас его величеству. (Взглянув в кабинет). Вам придется подождать.

Левашев. (Подошел к Муравьеву-Апостолу). Может быть, вы теперь ответите более ясно на заданные вам вопросы?

Муравьев-Апостол. К тому, что сказал, я ничего прибавить не могу.

Левашев. Неужели вы думаете, что для государя важно наказать? Нет, он хочет простить. Вот он Суворова за его откровенность не только простил, но и произвел даже в офицеры. (В кабинете появляется Ник. Пав. и подслушивает). Восстание вызвано общим недовольством, и государь желает знать причины, чтобы все исправить, а не вашу виновность. Ведь вы знаете, что прямые участники убийства Павла I и Петра III не только не подверглись наказанию, но были возведены на высшие государственные должности. По раскрытии всего дела государь об'явит амнистию.

Мурав.-Апостол. Я в это не верю.

Ник. Пав. (Стремглав бросается в залу, лицо его бледно, волосы вз'ерошены, глаза мечут молнии, челюсти его трясутся). Знаете ли вы наши законы? Знаете ли, какая ждет вас участь?.. Смерть! Генерал Левашов убеждает вас сознаться, а вы финтите... У вас нет чести, милостивый государь!

Мурав.-Апостол. Я в первый раз это слово слышу.

Ник. Пав. Очень сожалею... Вы еще не то услышите. Я еще щажу ваше самолюбие... С вами нужно обращаться, как со свиньей... Бунтовщик не человек, а мерзкое животное... На бунтовщика нужно не словами действовать, а кнутом, палкой... Пороть... Перепороть всех вас, прежде чем с вами разговаривать...

Мурав.-Апостол. Признателен вам, государь, за вашу откровенность...

Ник. Пав. Ах, ты... Ты еще смеешь рассуждать, сволочь ты бунтарская!.. Ты, подлец, своему императору дерзости смеешь говорить... Не забывай, что в России существует пытка...

Мурав.-Апостол. Да, это великий позор моей родины... Не знаю, государь, почему вы этим так гордитесь.

Ник. Пав. (Плюет ему в лицо). Мерзавец!.. Ты не с прапорщиком разговариваешь, а с помазанником божиим—с императором! (Отскакивает от него). Заковать... Заковать так, чтоб и шевельнуться не мог... Бить его... Избивать смертным боем... Пытать, как лютого злодея... Прочь его с глаз моих. В крепость... В равелин... (Уходит в кабинет).

Левашов. (Уводя Муравьева-Апостола). Вы своим упорством много себе повредили... (Скрывается).

Бенкендорф. (Уходит за Ник. Пав.) Ваше величество... Не стоит вам волноваться. Он хотя и из важных заговорщиков, но если применить к нему пытку, то он нам сознается. Прикажете применить пытку, ваше величество?

Ник. Пав. Нет. (Небольшая пауза). Нет, ни в коем случае. Скажи Левашову, чтобы он Пестеля ко мне привел.

Бенкендорф. Слушаюсь, ваше величество. (Уходит. В зале встречает возвращающегося Левашова). Государь просит вас доставить сюда Пестеля. (Левашов уходит. Бенкендорф возвращается в кабинет государя).

Ник. Пав. Ты распорядился?

Бенкендорф. Так точно, ваше величество. Самый интересный из заговорщиков—Пестель, и руководи он бунтом 14 декабря, то не так легко нам было бы с ним расправиться. (Заглянув в зал). Его ведут сюда.

Ник. Пав. Хорошо, ступай. (Бенкендорф уходит).

Левашов. (Пестелю). Уверяю вас, полковник, что государю важно знать только правду, и он намерен всех простить... (Пропускает его в кабинет).

Ник. Пав. Полковник Пестель, досадно, что такие умные люди, как вы, поступают так опрометчиво. Вы предпочли пойти против меня, чем со мной...

Пестель. Потому, государь, что наши пути расходились.

Ник. Пав. (Встает, подходит и смотрит ему в глаза). Наши пути расходились?

Пестель. (С большим достоинством). Да...

Ник. Пав. Вы в этом убедились?

Пестель. Давно.

Ник. Пав. Не ошиблись ли?

Пестель. О, нет...

Ник. Пав. Такие люди, как вы, мне очень нужны.

Пестель. Где?

Ник. Пав. Для занятия важных государственных должностей, а вы где предполагали?

Пестель. Под крепкими запорами.

Ник. Пав. Если ценить вас только по вашим якобинским убеждениям и по всему тому, что затевали, то и лютой казни вам мало, но вам свойственно было ошибаться в своих политических воззрениях, и если вы это сознаете, то я не только прощу вас, но даже приближу к себе. Прошу садиться. (Небольшая пауза). Почему вы ничего не отвечаете?.. Если вам нужно время для размышления, то я охотно вам дам его...

Пестель. О чем размышлять, государь... Пестель ни честью, ни убеждениями, ни совестью своей не торгует... Пестель себя никому не продаст.

Ник. Пав. (Нервничая, ходит по кабинету). Как понимать совесть и честь,-что похвально для верноподанного, не к лицу бунтовщику. Ваш покойный батюшка был очень предан престолу.

Пестель. Государь, убеждения отца для сына не обязательны.

Ник. Пав. (Меняя тон). Действия ваши нам в достаточной мере известны из показания других.

Пестель. (С прежним достоинством). Я не отрицаю.

Ник. Пав. Вы являетесь главой Южного тайного Общества.

Пестель. Я это подтвердил.

Ник. Пав. Вы стремились к главенству над Северным тайным Обществом и помехою этому был князь Трубецкой.

Пестель. Не к главенству, а к об'единению названных обществ.

Ник. Пав. Точности уже не так важны.. (Вдруг строго и настойчиво). С кем вы вели переговоры о слиянии тайных обществ?

Пестель. Об этом спросите у ваших шпионов.

Ник. Пав. (Грозно). Я спрашиваю тебя.

Пестель. (Гордо). А я на этот вопрос не отвечу.

Ник. Пав. Почему?

Пестель. Я никогда подлецом не был.

Ник. Пав. А сейчас ты кто?... Кто ты?...

Пестель. Я Павел Иванович Пестель...

Ник. Пав. (Передразнивая его). Я Павел Иванович Пестель... Ты что этим хочешь доказать мне?

Пестель. Имя, которое никто и никогда не посмеет обесчестить.

Ник. Пав. А я тебя повешу.

Пестель (С тихой злобной усмешкой). Сами?

Ник Пав. Для этого существуют палачи.

Пестель. Умереть за родину не бесчестье, а подвиг...

Ник. Пав. Молчать. (Небольшая пауза. Подходит к нему почти вплотную, вглядывается в него и укоризненно качает головой). Напрасно упорствуешь... Я найду способ заставить тебя заговорить по другому... Мы заставим тебя говорить правду. Генерал Левашов!

Левашов. (Входит).

Ник. Пав. Отправить.

ПЕСТЕЛЬ И РЫЛЕЕВ*).

Пестель. Итак, глубокоуважаемый Кондратий Федорович, наши с вами расхождения, по моему крайнему разумению, могут быть с пользою для нашего дела устранены. И мы, и вы с одинаковым убеждением видим спасение страны в революции.

Рылеев. Есть революция и революция.

Пестель. Нам, следственно, надлежит установить взаимное понимание сего слова и, поелику возможно, сгладить несогласности.

Рылеев. Сие является горячим моим желанием. (Садятся).

Пестель. Поскольку мне известно, вы придерживаетесь статутов Гишпанской конституции, полагая подобными же ограничениями сомодержавия оградить русский народ от произвола... Прожект же капитана Муравьева можно согласить с Американскими статутами.

Рылеев. Вас, полковник, не удовлетворяет прожект Муравьева?

Пестель. Сего не говорю. И Гишпанская конституция кортесов хороша и Американская не худа.

Рылеев. Полковник, вам известен „св. мученик“ (указывает на портрет Риэго) Риэго... погибший за свободу Гишпании?

Пестель. Весьма уважаем... Имеет, впрочем, преимущества перед Гишпанской Аглицкая конституция. Оная вполне ограждает гражданина актом Habeas Corpus ..

Рылеев. Какую же вы, на худой конец, выбираете?

---

*) Отрывок из пьесы А. Айно. „Декабристы“. Изд. „Буревестник“. 1923 г.

Пестель. Конституция—сие лишь форма—в оную надлежит влить жизнь народа, сообразно с обычаями и природной ситуацией страны. Наполеон Бонапарте был неограниченный деспот и, однако, освободил от тиранов всю Европу.

Рылеев (волнуясь). Полковник! Не Наполеона же нам ждать!

Пестель. Я говорю для пояснения мысли. Нам же надлежит не ограничиваться прожектами—сих превеликое число и у его величества—но переходить к делу немедля... Когда же мыслите начать революцию?

Рылеев. Мы расчитываем на гвардию и флот, как на каменную гору. Когда вы присылали капитана Майбороду, сей опасался высказываться Муравьеву перед солдатами. Муравьев и говорит: „У нас ничего не бойтесь, говорите все и при всех. Я вам это докажу"... Вывел роту и спрашивает: „Ребята! пойдете ли за мной, куда я захочу?" А они, как один: „Куда угодно, ваше высокоблагородие!..." Вот как они надежны.

Пестель. Когда же вы полагаете начать?

Рылеев. План наш заключается в основательной подготовке солдат: он требует много времени... Но у нас его достаточно—мы намечаем часом начала революции—смерть государя, а до этого пройдет еще порядочно лет.

Пестель. Скажем, сколько?

Рылеев. Пять-шесть, не меньше.

Пестель. Ну, а ежели государь не станет, согласно вашим расчетам, торопиться?

Рылеев. Как торопиться?

Пестель. Торопиться умирать.

Рылеев. Я не понимаю вас... Ежели, говорите вы...

Пестель (глядя на Рылеева в упор). Ежели и насильственная смерть государя окажется надобной... (Пауза. Рылеев встает. Пестель продолжает отчетливо и раздельно). Я предлагаю, Кондратий Федорович, следующее: не ждать у моря погоды, пока его императорское величество соблаговолит преставиться, но действовать расчетливо и определительно. Начать революцию во время высочайшего смотра войск в 1826 году. Первое действие должно состоять в насильственной смерти государя императора Александра Павловича, далее—издание двух прокламаций: войску и народу; далее—следование 3-го корпуса на Киев и Москву с надеждою, что к нему присоединятся прочие, на пути его расположения, войска, без предварительных даже с ним сношений, полагаясь на общий дух неудовольствия. В Москве требовать от сената преобразования государства. Между всеми сими действиями 3-го корпуса надлежит всем остальным членам союза содействовать революции. Остальной части Южного округа занять Киев и в оном оставаться. Северному округу поднять гвардию и флот, сделать то же требование сенату, как и 3-й корпус... Овладеть всеми особами императорской фамилии...

Рылеев. Что же делать с ними в случае успеха?

Пестель. Их надо... (делает жест) уничтожить!

Рылеев. Как!? Ведь, это—ужасно!

Пестель. Это я знаю.

Рылеев. Вы—якобинец, полковник, если не террорист!

Пестель. Революция не делается в бальных перчатках!

Рылеев. Наша цель—уничтожить самодержавие и дать народу вольность, уничтожить крепостничество. Для этого—довольно конституции.

Пестель. Политического переворота недостаточно. Нужна социальная революция... Что, ежели ваш император откажется подписать конституцию?

Рылеев. Не откажется. Только учредительное собрание может решить—быть ли конституционной монархии или республике... Ведь, вы хотите республики?

Пестель. Конституция—вздор! Дело решается фактами, а не речами... Даже ежели вы провозгласите демократическую республику—это будет лишь перемена названия. Главным образом, надлежит решить вопрос о поземельной собственности. Необходимо отдать землю крестьянам, и только тогда цель революции будет достигнута.

Рылеев. Прожект нашей конституции принимает во внимание поземельный вопрос.

Пестель. Ваша конституция своим цензом создает ужасную аристократию богатств, более опасную нежели знать, которая стоит на нашей дороге... Беднота и батрачество усиливается со дня на день... Вся земля переходит в немногие руки. Вся Россия должна состоять из одних обладателей земли, чтобы не было ни одного гражданина, который не был бы оным... Конституция, политические права без социального улучшения—мыльный пузырь, новая декорация для старого театра... Крестьянство стонет, задавлено податьми; многие дворяне гонят своих крестьян на барщину по 6-ти ден на неделе—скажите, можно ли таких крестьян отличить от каторжан?... Дети сих несчастных отцов остаются без науки, а оная безотменно нужна гражданину вольной страны... Кто же нам даст все это? Нужно взять, а не ждать подачек... Нужно взять силой!...

Рылеев. Полковник, скажу вам прямо: мы идем на великий подвиг и не хотим пачкать рук в ненужной крови... Покончить с царской фамилией... Убить государя... Какой ужас, какой бред, полковник! Ежели император и откажется подписать конституцию—в крайности, можно об'явить республику даже, наконец—отправить царя с семьей в ссылку—но убийство... У меня волосы встают дыбом, если только вы говорите в серьез...

Пестель (с упорной силой). Полумеры тут не годятся. Сначала—арестовать Александра и его семейство и покончить с ними, а потом—завладеть сенатом и синодом, захватить членов этих учреждений, провозгласить новое правление. И как только это

будет сделано, всех высших гражданских и военных чиновников об'явить уволенными, заменить их членами революционного общества.

Рылеев. Как же вы мыслите новую власть?

Пестель. Диктаторской бессомненно.

Рылеев. Конечно, это положение вещей продлится всего только несколько месяцев?

Пестель. Как вы считаете возможным изменить всю эту государственную машину, дать ей другое основание, приучить людей к новым порядкам в течение нескольких месяцев?... Для этого потребуется, по крайней мере, 10 лет...

Рылеев (едко). Кого же вы мыслите... диктатором?

Пестель. Диктатором будет тот, кто вынесет на своих плечах тяжесть диктатуры.

Рылеев. Полковник, высказались вы достаточно ясно. Не стану скрывать—нам с вами, при ваших замыслах, не по пути. Вы мыслите о морях крови, о кровавой вакханалии террора... Нет, мы видели ужасы якобинских деяний, мы не забыли сентябрьской резни и мы не пойдем, полковник, по этой опасной и преступной дороге. Цена свободы не есть цена жизни и крови.

Пестель. Всякая жизнь покупается смертью. Новая жизнь родится лишь на трупе старой. (Встает). Итак, прошу извинить за беспокойство.

Рылеев. Прощайте, полковник. Мне очень прискорбно, что наше первое свидание дало такие печальные результаты... Но я надеюсь, что оно не последнее.

Пестель. Возможно. Привет супруге. (Выходя, в дверях сталкивается с Якушкиными, отступает, давая дорогу даме, и, поклонившись, выходит).

ОГЛАВЛЕНИЕ.

